

Александр Левин

Нашедшие Путь

Александр Левин

Нашедшие Путь

«Издательские решения»

Левин А.

Нашедшие Путь / А. Левин — «Издательские решения»,

«Нашедшие Путь» — книга мировоззренческой направленности. Проходя через множество смертельно опасных приключений, положительные персонажи допускают ошибки, в стремлении к справедливости доходят до жестокости; их философское отношение к жизни уживается с юмором и склонностью к творчеству, рационализм соседствует с мистикой. Отвергая пороки современного общества, они встречают множество врагов, что, однако, не мешает им работать над собой, заниматься боевыми искусствами, искать смысл жизни.

© Левин А.

© Издательские решения

Содержание

Борис	6
Алексей	52
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Нашедшие Путь

Александр Левин

© Александр Левин, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Борис

К не очень старому, но, похожему на большой сарай, зданию вокзала стекались группы людей.

– Скоро поезд, – будто размышляя вслух, осторожно заметил Дмитрий.

– Не суетись, – коротко отрезал Борис, безошибочно уловив настроение попутчика.

Дмитрий нервно прошёлся, но, встретив взгляд Бориса, вновь сел на траву.

– Не прозеваем мы этот поезд, – заверил Борис.

Дмитрий кивнул и, выдержав паузу, сказал:

– Не хорошо как-то получается...

– Согласен, – поспешил отозваться Борис, – но мы в данный момент гражданских прав фактически не имеем... Я в подобной ситуации уже побывал, когда из армии освободился. Тогда такой дикостью показалось, что патрули дембелей шмонают: отбирают деньги, часы, вещи всякие!.. С ментами – ситуация ещё хуже: мало того, что отнимут всё, что возможно, могут ещё и избить, и обратно на зону отправить ради своей отчётности по раскрываемости... На бесправного человека всё, что угодно, «повесить» можно.

Понимающе кивая, Дмитрий хотел-было что-то сказать, но Борис вдруг приподнял руку и прислушался, затем осмотрелся и уверенно сказал:

– Вот теперь – пошли, – к той вон группе людей пристраиваемся!

Только оказавшись в вагоне, оба вздохнули с облегчением.

Когда поезд тронулся, Борису вдруг показалось, что он ждал именно этого момента. Теперь, когда можно было наконец-то по-настоящему расслабиться, ему вспомнилось, как он любил дорогу, любил осень, любил слушать перестук вагонных колёс во время своих многочисленных путешествий. Всё как будто бы возвращалось в привычное русло, но всё-таки он ясно осознавал, что с ним произошли какие-то необратимые изменения.

Поезд медленно набирал скорость; пожелтевшие кроны деревьев проплывали мимо. Когда лес за окном закончился, взгляду открылся большой пустырь, покрытый кучами мусора. Вдали на холме возвышалась полуразрушенная церковь.

Остановив взгляд на руинах, Борис ощутил какую-то щемящую тоску. Память беспощадно выхватывала из прошлого отдельные эпизоды и заставляла переживать их повторно, замечая то, что ранее было упущено.

В маленький тюремный храм Борис пришёл без веры, но с ощущением гнетущей тоски и безысходности. Он стоял у входа, прислонившись к дверному косяку и, сложив руки на груди, наблюдал за священником и десятком с лишним осуждённых.

Стоявший с другой стороны от двери, офицер подошёл к Борису и тихо сделал какое-то замечание, но, встретив пронзающий злобный взгляд, вернулся обратно, пообещав о чём-то доложить начальству.

Борис оставался неподвижным и тогда, когда люди направились к выходу. Офицер грубо подтолкнул Бориса, однако подошедший священник отвлек его. Завязался разговор, из которого, слышавший почти всё, Борис понял, что храм недостроен и нужны добровольцы вместо, недавно освободившихся, строителей. Информация эта зависла в опустевшем разуме Бориса. Мыслей не было. Он куда-то шёл вместе со всеми, с кем-то столкнулся, от кого-то получил несколько ударов, автоматически ответил; кого-то унесли.

Оказавшись в кабинете начальства, Борис долго тупо стоял, совершенно не воспринимая то, что ему говорили, и вдруг, неожиданно для самого себя, попросился на строительство храма.

К удивлению Бориса просьба его вскоре была удовлетворена. Ещё больше Борис удивился, когда узнал, что за него просил сам отец Николай, настоятель храма.

Работа началась для Бориса с расчистки территории вокруг храма.

Осуждённые работали вяло, то и дело устраивая перекуры; трое – не работали совсем, покрикивали на других, удобно устроившись на куче досок. Подобных людей Борис возненавидел ещё в армии. Присутствие их раздражало Бориса. Рядом худощавый парень в очках тщетно пытался выковырять из земли большой плоский камень; Борис принялся помогать. Вскоре камень удалось извлечь и оттащить в сторону; парень сел на камень, стараясь занять как можно меньше места, и, протянув руку, представился:

– Дмитрий.

Борис пожал парню руку и, назвав своё имя, сел рядом.

– Скажи-ка, Дима, что там за три «урода» на досках?

– Не связывайся!.. Вон тот пожилой – это Сан Саньч, бригадир наш... Правда, он – только формально бригадир; на самом-то деле – Фока командует, – Никита Фокичев, это – у которого шрам на башке... В прошлом году «пометили», – теперь с охраной ходит.

– А «охрана» – это, значит, вон тот коренастый что ли?

– Верно, он, – Петруха Семёнов; его чаще Семёй называют. Семё – парень спокойный; его многие даже уважают.

– А Фока?

– Фока – «гнида», – подлый... Лучше не связывайся.

– Ладненко, – учту... Что это они засуетились?

– Похоже, кого-то из начальства заметили. Пойдём-ка работать!

Дмитрий поспешно поднялся; Борис же ещё немного посидел, потом потянулся, встал, несколько раз присел и наклонился, покрутил головой, подвигал плечами; после этой короткой гимнастики хотел-было вернуться к работе, однако неожиданно получил довольно сильный толчок в спину. Обернувшись, Борис увидел Фоку; тот стоял с сигаретой в зубах и что-то мерзко шипел. Не обращая внимания на ругань уголовного, Борис спокойно взялся за работу.

Проходивший мимо, отец Николай вежливо попросил Фокичева не курить около храма.

– Да пошёл ты!.. – огрызнулся Фока.

Священник вновь попросил выбросить сигарету.

– Может, попробуешь отнять?! – усмехнулся Фокичев и шагнул вперёд, вытягивая руку с сигаретой.

Наблюдавший за этим безобразием, Борис не удержался, бросил лопату и направился к Фоке. Ударив под поднятую руку, он погасил сигарету об лоб Фокичева и опустил окурочку ему в карман, затем резко вывернул кисть, направляя локоть вверх.

– Семё, падла, ты где?! – взвыл Фокичев от боли и злости.

Семёнов тут же подбежал, но, столкнувшись с Фоккой, чуть не упал.

– Да урой ты его! – вскрикнул, освободившийся от захвата, Фока, толкая Семёнова к Борису.

Сёма кинулся в атаку.

Через несколько секунд боя Борис вдруг почувствовал себя весьма комфортно – как когда-то на татами. Семёнов теснил его, но все свои удачные удары фиксировал, хотя Борис и достал его несколько раз весьма ощутимо. Когда оба оказались за рабочей времяжкой, Семёнов жестом остановил Бориса и, протянув ему руку, сказал:

– Я – Пётр; а тебя – знаю, – отец Николай рассказывал.

– Но он-то откуда?..

– Потом, потом, – перебил Семёнов. – Посиди тут немного, а потом возвращайся к работе. Я всё улажу. Поговорим ещё.

Сразу после ухода Петра к Борису подошёл отец Николай.

– Живой? – поинтересовался он с едва заметной иронией.

– Почему вы просили за меня?.. Что вы про меня знаете?

– Знаю, что тебе нужна помощь.

– Не понимаю.

– А я тебе объясню, только – не сразу. Постепенно всё поймёшь. Главное – приходи сюда почаще.

– Да, вроде, не дурак, – обычно всё с первого раза понимаю.

– А вот обижаться – не надо. Просто поверь, что нам есть о чём поговорить. Тут, кстати, спокойно будет в ближайшие дни, – Фокичева сюда больше не направят.

Дальнейшие дни показали, что священник был прав. Куда-то исчез Фока. Работой деловито руководил Сан Саныч.

Борис и Дмитрий выравняли площадку перед храмом, когда подошёл Пётр и позвал Бориса с собой.

– Фока руку лечит. Несколько дней отдохнёт от него. Ну а когда появится, – старайся держаться от него подальше... Я хотя «лапши» ему и «навешал», будто ты из «крутых» и со связями, но не могу предугадать, что в нём возьмёт верх: трусость или подлость.

– Сам-то зачем с ним связался?

– Пришлось, иначе сейчас был бы либо калекой, либо покойником.

Семёнов открыл дверь храма и пропустил Бориса вперёд. Борис автоматически поклонился так же, как кланялся когда-то, заходя в спортивный зал. Подошёл отец Николай; Борис поклонился и ему.

Священник поздоровался, попросил подождать и удалился.

Пётр слегка ткнул Бориса в бок и зашептал:

– Храм – не додзё, а священник – не сенсей... Работать будем наверху.

– На чердаке что ли?

– На колокольне.

Вскоре вернулся отец Николай и вручил Борису ящик с инструментами, а Петру – несколько книг; затем достал ключи и направился к боковой двери, наставляя попутно работников:

– Скорость мне от вас не нужна... Колоколов всё-равно пока нет... Главное – на совесть работайте, а между делом – книги почитайте. Если будут вопросы, – обращайтесь.

Колокольня, в самом деле, больше напоминала обычный чердак.

Осмотревшись, Борис с удивлением заметил макивару и другие подобные приспособления для тренировок.

– Ещё и тренируешься здесь?

– Почему я?.. Может, батюшка увлекается?

– Да ну... Шутишь?

– А ты знаешь, как он тут оказался?

– Нет.

– Он ведь сидел тут сначала, потом затеял церковь, потом остался, поскольку, всё-равно, одинокий.

– А сидел за что?

– Служил он на одном приходе; а туда повадились какие-то ублюдки над людьми потешаться. Говорит: доходило до того, что питарды в свечи залепливали, – поставят и ждут, когда долбанёт, а если при этом священник с перепугу кадило уронит – это для подонков – просто наивысшая радость. При чём, как потом оказалось, все эти мерзавцы были из обеспеченных, так называемых, «интеллигентных», семей... Попробовал отец Николай с ментами договориться; те, естественно, не помогли... В общем, сорвался батюшка однажды: одному негодяю – челюсть сломал, другому – руку, ещё двое – что-то там себе переломали когда с крыльца летели. Может, всё и обошлось бы, но явился папаша одного из подонков, как потом выяснилось, – какой-то большой начальник; его – отец Николай с того же крыльца спустил... Вот такой вот был «переломный» момент в жизни нашего батюшки.

– По виду не скажешь, что он на такое способен.

– Он, по слухам, через Афганистан прошёл... Нынешний его смиренный вид, вероятно, явился следствием весьма сложной судьбы.

– Да, всё забываю спросить, – откуда он обо мне-то знает?.. И ты – откуда обо мне знаешь?

– Я – от него, а он – не знаю... Он лишь сказал, что заметил тебя на молебне... Да, а ещё сказал, что ты напомнил ему чем-то меня и его самого. Он в людях разбирается, – вот, видимо, и заинтересовался у начальства, а потом сюда направить попросил.

– Понятно... А что за книги?

– Посмотри, почитай, – Пётр протянул Борису книги, – а я пока прикину, что мы тут сегодня мастерить будем.

Несколько дней Борис больше читал чем работал. Семёнов не возражал; лишь изредка он просил Бориса о помощи, но обязательно трижды в день вовлекал его в короткие тренировки.

Однажды Пётр пришёл с большим опозданием и долго мрачно сидел, прислонившись спиной к стене.

– Что-то случилось? – не выдержал Борис.

– Что-то намечается. Похоже, что завтра на лесопилку погонят.

– Эка ерунда! Поработаем и на лесопилке.

– Да не в этом суть. Фока, похоже, что-то затевает: то ли мне какую-то пакость хочет сделать, то ли – тебе, то ли – обоим.

– Основания-то какие для таких предположений?

– Объяснить не могу, но я его достаточно хорошо изучил: замечаю, когда он планирует свои «шакалы» дела.

– Значит, будем стараться не терять друг друга из вида... Осторожнее будем, – всего-то и делов!

– Запомни: помогать друг другу – только в самом крайнем случае!.. Правда, есть и положительный момент: похоже, что Фока в ссоре со своими «шакалами», – видимо, давние разногласия у них опять обострились, – то и дело ругаются.

Уже вечером предположение Петра подтвердилось: к

Борису тайком подошли двое. Один, худощавый, представился Кондратом и заговорил торопливо:

– Такое дело: Фока тебя с нашей помощью «прессануть» хочет.

– Что же ты мне-то об этом говоришь? – Борис изобразил удивление.

– Такое дело, – продолжил Кондрат, – Фока нашего кореша «хозяину» сдал, – Кондрат ткнул в бок второго. – Скажи, Каток!

– В натуре! – Каток повернулся лицом к Борису и протянул громадную ладонь. – Слава.

Слава-Каток вновь отвернулся, стараясь своей массивной фигурой загородить Кондрата от возможных свидетелей разговора.

– И что же такого сделал ваш кореш? – поинтересовался Борис.

– Это – не твоё дело... Короче, – Кондрат суетливо огляделся, – нам надо, чтоб этот «козёл» убедился, что без нас он – «пустое место»... Тебя – не тронем... На всякий случай остерегайся Сёмы и Хасана.

Утром следующего дня работавших при храме, действительно, перебросили на лесопилку. Авральная работа продолжалась около четырёх часов без перерывов. Выгрузив привезённые брёвна и загрузив в грузовики доски, осуждённые валились с ног от усталости, однако предстояло ещё наведение порядка и сортировка брёвен. Получив возможность для кратковременного отдыха, осуждённые разбрелись по территории.

Проходя, как бы случайно, мимо Петра, Борис остановился.

– Не знаешь, – кто такой Хасан? – спросил он, глядя куда-то мимо Петра.

– Хасанов?.. Да вон он – рядом с Фокой, – редкий отморозок; считай – совсем без мозгов... А вон те двое, чуть подальше, это...

– Тех – знаю... Я вот думаю: чем быть застигнутыми врасплох, – не лучше ли спровоцировать их на выяснение отношений прямо сейчас?

– И то верно... Пройдись-ка мимо них к свалке брака; а я к ним подойду.

Борис медленно прошёл намеченным маршрутом и устроился для отдыха на обрезках досок. Он старался не упускать из поля зрения Петра, но вдруг понял, что куда-то исчез Хасанов. Борис приподнялся и огляделся. Из за кучи обрезков доносился едва различимый шорох.

Осторожно поднявшись, Борис пошёл на звук и вскоре увидел Хасанова, выбиравшего подходящий обрезок доски.

– Выбрать не можешь?.. Вон тот, вроде, подходящий.

Хасанов схватил, указанный Борисом, обрезок и кинулся на Бориса; тот же лишь чуть отступил влево и, крутанув противника вокруг себя, направил обрезок доски таким образом, что он угодил прямиком в лоб нападавшего. Жёсткая встреча с доской заставила Хасанова остановиться. Борис неспешно нанёс несколько точных ударов, стараясь тем самым отключить Хасанова надёжно и надолго, не оставляя, однако, явных следов на теле.

– Ну вот, знак качества можно ставить, – подытожил Борис, обращаясь к неподвижному телу.

Вблизи послышался голос Фокичева. Борис поспешил на голос, надеясь увидеть врага первым.

Фокичев нервно подгонял Кондрата; следом нехотя плёлся Вячеслав, за ним – шёл Семёнов.

– Быстро нашли его, «уроды»! – Фокичев толкнул вперёд Кондрата и, обернувшись, добавил:

– Каток, шевелись!

Используя момент, Борис подбежал, направляясь к Кондрату, а затем, отстранив его, нанёс короткий резкий удар в нижнюю часть грудной клетки Фокичева. Кондрат послушно отошёл в сторону. Фокичев несколько раз попытался ударить Бориса; всякий раз промахиваясь, он всё больше злился, но, видя, что Борис отступает, бросился на него. Убедившись, что достаточно отдалился от сомнительной компании, Борис вновь встретил Фокичева ударом в грудную клетку, затем прихватил его правую руку и нанёс под неё такой удар ногой, что послышался хруст рёбер. Выкручивая руку противника, Борис заставил его бегать вокруг себя, сам же при этом попытался оценить ситуацию вокруг. Убедившись, что явной опасности нет, хотя зрителей набежало много, Борис зафиксировал Фокичева, подтолкнув его к доскам, но руку продолжал выкручивать.

Фокичев издал полу-стон-полу-хрип.

– Больно? – поинтересовался Борис, но, не услышав ответа, надавил сильнее.

– Бо... бо... – попытался выдать из себя Фокичев.

– Что?.. Не слышу! – Борис вновь увеличил усилие.

– Бо... бо... – с трудом повторил Фока, но из-за сильной боли в сломанных рёбрах сказать что либо внятное так и не смог.

Подшли Каток и Кондрат.

– Правильно говоришь, Фока: «бо-бо». Это хорошо, что ты опять вспомнил, что такое «бо-бо»; а забудешь, – мы тебе напомним, – Вячеслав поднёс кулак к физиономии Фокичева.

– Да оставь ты его, – как бы не подход! – забеспокоился Кондрат. – Сваливать надо отсюда.

– Верно, – согласился Каток и, похлопав Бориса по плечу, одобрительно добавил:

– Теперь будем знать, – кто умеет делать «бо-бо»... Пошли... «Бобон»!

– Вот тебе и кликуха, – Кондрат криво улыбнулся. – Ладно, пошли отсюда.

Чувствуя себя в центре внимания, Борис лишь взглядом показал Петру туда, где остался Хасанов.

Уходя, некоторые из осуждённых сочли своим долгом плюнуть в сторону Фокичева. Пётр подошёл к нему последним.

– Ну что?.. Показал себя?.. Считай: весь твой авторитет ушёл как вода в песок. Давай, поднимайся, – Семёнов помог Фокичеву подняться и повёл его туда, куда указал ему взглядом Борис.

– Ку!.. Ку!.. – попытался возмутиться Фока.

– Не «кукуй»!.. Куда надо – туда и веди.

Пристроив Фоку рядом с Хасаном, Пётр прикрыл их досками.

– Не вздумай кому-нибудь рассказать, что тут было, – порвут ведь тебя ребята, точно порвут... Ты понял меня? – Пётр взглянул Фокичеву в глаза.

Фока молча кивнул.

– Досками вас завалило... Понял?... Сейчас помощь вам организую... Потерпи немного.

Оглядывая окрестности с колокольни, Борис заметил, что в восточном направлении не видны тюремные постройки; зелёные кроны деревьев надёжно укрыли от взгляда забор, за которым раскинулись, покрытые лесом, холмы.

На колокольню поднялся отец Николай.

– Хороший вид отсюда открывается.

– Хороший, – согласился Борис.

– Только тоскливо... Верно?

– Верно.

– А почему?... Почему тоскливо?

– Из-за контраста, видимо. Там – свобода, тут – неволя.

– Только ли поэтому?

– Не знаю. Может, ещё потому, что живём не так, как надо бы, а как надо – не знаем.

– Не знаем?... А в книгах не нашёл ещё ответ на этот вопрос?

– На словах, вроде бы, всё понятно, – ответ ясен; но что-то чужое, враждебное как будто ввелось и в разум, и в душу; да и вся внешняя обстановка затягивает в какое-то «гнилое болото». Поступать часто приходится совсем не так, как советуют авторы ваших книг.

– А ты пробовал руководствоваться этими советами?

Борис только усмехнулся в ответ и выразительно покачал головой.

– Понимаю твою иронию... О твоих приключениях на лесопилке – слышал. Не удивляйся; я в курсе многих событий, происходящих на зоне.

– Ну и где бы я сейчас был, если бы «подставил другую щеку»?.. Вы, кстати, тут кого-нибудь уже отпевали?

– Да, случалось... А что касается «другой щеки», – не всё так просто... Думаю, что тебе ещё многое предстоит переосмыслить. Главное – не унывай, не отчаивайся, старайся смиренно нести свой «крест»... Возможно, что эти слова тебе ещё не понятны, но думаю, что ты их поймёшь уже в ближайшее время... А вот и Пётр... Ты, когда его будешь слушать, не забывай о том, что я сказал.

Проводив взглядом священника, Борис вопросительно уставился на Петра. Семёнов ходил из стороны в сторону.

– Ну что? – не выдержал Борис. – К чему он пытался меня подготовить?

– Да ты не волнуйся... – Пётр сделал паузу, – раньше времени... Выслушай спокойно.

– Да спокоен я... Говори уже.

– В общем, я тут поразмыслил... Не мог Фока лишь из-за собственной обиды так на тебя «наезжать», находясь в конфликте со своей шайкой.

– И что это значит?

– А то, что кого-то он боится больше чем бунта своих «шакалов» и потери своего авторитета... Понимаешь?

– Не очень.

– Заказ – это, явный заказ... Если бы не такое благоприятное стечение обстоятельств... Короче, если хочешь, чтоб я тебе помог, расскажи мне всё, что знаешь... Кто и по какой причине мог тебя заказать?

– Да кому я, на хрен, нужен?!

– Ты что – не понимаешь?.. Если это – заказ с воли, – значит, надо ждать продолжения неприятностей... Я не спрашивал о причинах твоего попадания сюда, но теперь, извини, хотел бы услышать твой подробный рассказ.

– Да я и не скрываю: разогнали одну ублюдочную компанию... В общем, была группа негодяев; сначала – они спортсменам анаболики продавали. Первый раз на них внимание обратили, когда помер один бодибилдер. Лично я тогда решил, что парень сам виноват если считал возможным ради спортивных результатов колоть себе «лошадиные» дозы ретаболила и горстями жрать метандростенолон... Однако, ублюдки свою деятельность вскоре расширили: стали «толкать» всякую дрянь на дискотеках, а потом – и в школах. Меня это всерьёз возмутило тогда, когда начали находить в помещениях нашего спортивного клуба припрятанные обожжённые ложки, шприцы, зажигалки... К тому времени сформировалась инициативная группа, собиравшая информацию. Всё, что удавалось узнать, передавали в милицию, но толку от этого, естественно, не было, – решили действовать самостоятельно. Начали со своих спортсменов: «прижали» одного, другого, третьего, а дальше – пошло по «цепочке». Когда выявили целую сеть – стали понемногу понимать, что откуда берётся, кто чем руководит... Оказалось, что нужную информацию можно собирать довольно легко: подонки сами всё рассказывали; особенно «охотно» откровенничали – при повторных беседах.

– Ну да, ну да, понимаю: недельки две подышишь со сломанными рёбрами, – в следующий раз ответы сами автоматически вылетать будут.

– Верно, – условный рефлекс вырабатывается... Приятель надоумил... Он – медик по образованию... Говорит, что был такой всемирно известный физиолог, который на собаках это дело изучал. Как там это по науке – точно не помню... В общем, по-всякому извращался, вроде того, что принесёт бедной псине миску с едой, а сам тут же – палкой ей по хребтине; после нескольких повторов собака уже точно знала, что если несут миску – значит сейчас бить будут – условный рефлекс. В общем-то, на собаках – это как-то не очень понятно, а вот на подонках – даже я усвоил эту физиологию высшей нервной деятельности.

– А на поставщиков вам удалось выйти?

– Полагаю, что несколько раз мы были к этому очень близки. Об этом, видимо, можно судить и по угрозам, и по неожиданной спонсорской помощи для клуба, – когда взамен на отказ от тех или иных действий мы получали какой-нибудь тренажёр, различный инвентарь, помощь в ремонте. Такие уступки с нашей стороны помогли не только обустроить клуб, но и пополнить сведения о связях негодяев. Когда информации оказалось достаточно, – «накрыли» всё это сборище, да так, что даже ментов удалось подключить вопреки их желанию... Куда денешься, когда тебе оставляют надёжно зафиксированного ублюдка с наркотой в карманах, да ещё – в людном месте?! «Прокол» получился на самом последнем этапе, когда уже «паковали» организаторов. Оставалось выяснить лишь кое-какие детали, но в самый разгар «беседы» откуда-то появились менты, – пришлось уходить. Ублюдки – тоже рванули врассыпную; ну я нескольких «приложил», чтоб дождались «блюстителей порядка»... Ребята ушли, а я, значит, задержался; мент один меня пытался остановить, – я его аккуратно «пристроил» под дерево; а тут – второй появился. Гляжу: Тимофей – знакомый. Ну, думаю, как человек приличный, сделает вид, что не заметил... Хрен там!.. Знал бы ты, Петруха, сколько мне вреда от него в жизни было!.. И надо же, – нарвался!.. В общем, хоть он меня и узнал, – всё равно попытался задержать. Я сначала, вроде, вырвался; нет – не отстаёт, – пришлось подраться с ним; а потом, сам не понял как, но оказался я в наручниках. Говорю ему: «Что же ты, сволочь, делаешь?!» Тут и другие менты подбежали... Правда, потом о сопротивлении ментам нигде не упоминалось, – видимо, чуть-чуть совесть у него всё же есть... А всё равно, когда вернусь, – разберусь с ним, – мало не покажется.

– Надо ли?.. Если он один раз тебя «заломал» – «заломает» и второй.

- Да ну!.. Видел бы ты его: «заморыш» – худой, ростом почти на голову ниже меня... правда, дерётся, сволочь, хорошо... Кстати, давай-ка улучшим как-нибудь наши тренировки.
- Давай, давай... улучшим, но по другой причине.
- Это по какой же?
- Да всё по той же... Думаю, что «гостей» тебе надо ждать... Кого-то ты, похоже, серьёзно задел... А вот про месть – забудь... Надо бы отца Николая попросить, чтоб он тебе это разъяснил.

Тренироваться, действительно, стали больше. Пётр предложил новую для Бориса систему тренировок, а так же убедил Дмитрия участвовать в занятиях. Дмитрий боялся за свои очки, далеко отскакивал от ударов, но с удовольствием сам отрабатывал удары по «живым мишеням», которые, однако, этих ударов, казалось, не замечали.

К середине июня установилась сильная жара. Дмитрий раскис и отказался от тренировок, однако периодически приносил холодную воду из скважины и выплёскивал то на Бориса, то на Петра, когда те по очереди отрабатывали ката «санчин», стойко выдерживая удары друг друга. Потренироваться во дворе храма удавалось не всегда. От посторонних глаз они часто уходили на колокольню; там же с интересом читали книги, а потом обсуждали их друг с другом и с отцом Николаем.

К июлю работу на колокольне закончили. Привезённые колокола подняли без особого труда. Обычно мрачный отец Николай заметно посветлел, повеселел и даже разговаривал с колоколами как с живыми. Борису казалось, что эта непонятная радость священника передаётся и ему.

- Что в них такого особенного? – осмелился как-то спросить Борис.
- А ты подумай... Это самому понять надо, понять и почувствовать.
- Почему они такие маленькие?
- Размер не имеет значения, – съязвил Дмитрий.
- Верно, – согласился отец Николай. – Только вот ехидство тут – неуместно... Надо бы всерьёз вашим воспитанием заняться.
- Мы же читаем, – возразил-было Дмитрий.
- Да уж, читаете вы!.. Вон Борис и «Лествицу» отложил, и святителя Игнатия Брянчанинова первый том не дочитал.
- Тяжело, – признался Борис, – язык устаревший... Вот митрополита Вениамина Федченкова – легко читать.
- Ладно, – спорить не стану; однако до понимания святителя Игнатия обязательно постарайтесь дорасти.
- Да хотелось бы, – согласился Борис, – хотя ещё несколько месяцев назад – не стал бы и заглядывать в такие книги.
- Вот и получается, что всё промыслительно, – глубокомысленно заметил Пётр.
- Не понял... Скажи по-русски.
- На всё воля Божия, – перевёл отец Николай. – Иногда, чтоб заметить что-то хорошее и доброе, – надо «вляпаться» в какое-нибудь... Ну ты понял.

Борис задумался. На какое-то время ему показалось, что у него появилась основа для переосмысления многих событий. Тем временем отец Николай попросил Дмитрия собрать инструменты и оба спустились вниз. Пётр подошёл к Борису и сел рядом.

- Мстить ещё не передумал?
- Легко тебе говорить... Сам-то бывал в подобных ситуациях?... Мне иногда по ночам снится, что лежу я на снегу в наручниках, а его рожа довольная где-то сверху маячит.

– Ты не можешь знать, что он чувствовал, был ли он доволен, или – совсем наоборот. Возможно, что он просто не мог поступить иначе.

– Ладно, ладно... А как тебе такая ситуация?.. Соревнования: я выхожу в абсолютную категорию и имею реальные шансы на победу; тут появляется Тимоха и побеждает меня в самом начале, а потом – в финале сдаётся парню, которого я до этого бил многократно!.. Он просто ушёл с татами, хотя мог победить... Ну не сволочь?!

Глядя на кислую физиономию Бориса, Пётр рассмеялся, потом хлопнул Бориса по плечу и уже серьёзно сказал:

– Ну это-то, уж точно, – ерунда, такая чушь, что надо просто простить и забыть.

Борис помолчал и, чувствуя какой-то внутренний дискомфорт, решил сменить тему:

– Что там Фока?.. Тебя, вроде, видели с ним.

– Злой как чёрт... Похоже, что боится чего-то, вернее – кого-то.

– Тебе всё-ещё доверяет?

– А у него сейчас выбора нет. Тех, которые для него на всё были готовы, он, дурак, сам сдал.

– Кондрат говорил только об одном.

– Их было трое, но крайним «назначили» одного, а двоих – просто перевели куда-то. Что же касается Толика Кондратенко и Славы Каткова, то – не с их мозгами в суть происходящего вникать.

– Какая уж там суть?! Оба не желают на вопросы отвечать, говорят, что меня это не касается.

– Им есть чего опасаться... – Пётр на несколько секунд задумался, будто что-то вспоминая, а потом вдруг начал рассказывать:

– Прибыли осенью на зону два «борца за справедливость», «крутые» – дальше некуда; кликухи подходящие: Шустрый и Лихач. Для краткости их обоих просто «крутыми» и называли. Решили они «под себя подмять» всю зону... То ли стоял за ними кто-то, что более вероятно, то ли они были на столько глупы, что лишь на собственные кулаки рассчитывали, – не знаю. Меня, естественно, второй вариант устроил бы больше, поскольку он не предполагает дальнейшего развития... «Подмять» – не «подмяли», а вот «расколоть» – «раскололи»: кого-то – запугали, кого-то – смогли убедить, что Фока – беспределщик, а они, вроде, – за справедливость. В общем, образовалось две группировки, – стало доходить до массовых потасовок... Фокичева как-то к «хозяину» вызвали; вернулся – злой, с разбитой рожой; ко мне прицепился... Я-то старался сохранять нейтральную позицию, – не получилось... Хотел я тогда послать Фокичева куда подальше, но, поскольку доставалось порой и от тех, и от других, сказал, что подумаю... Долго думать не пришлось... Послали нас как-то местный долгострой от снега чистить... А здесь, как ты наверное уже заметил, разборки происходят то на лесопилке, то в карьере, то на стройке, – в общем, там, где контроль затруднён и возможны производственные травмы... Вот и тогда несколько стычек произошло... Я – как всегда в стороне... Гляжу: «крутые» Кондрата и Мокрого бьют...

– Мокрого не знаю. Кто это?

– Ванька Мокрушин – кореш Толяна. Близки они были по уровню интеллекта, вернее – по полному его отсутствию... Отделали их жестоко и бетонной сваей придавили; потом – на меня накинлись... Очнулся – лежу придавленный сваей, выбраться не могу; рядом – уже Славу Каткова лупят. Славка хоть и тупой, но крупный, – держится и орёт: «Хасан!.. Жека!.. Кистень!..» Фоку, заметь, не звал... Ну, Хасанова Марата – ты знаешь; Жека – это Гилёв Евгений, он же – Жека-Костолом; ну, а Кистень – это не кликуха даже, а, вроде бы, – фамилия... Игнат Кистень общался, в основном, с Жекой, реже – с Катком... Услышали они, прибежали, отбили Славку; потом и Фокичев пришёл, – велел со своих «шестёрок» сваю убрать, затем ко мне подошёл и спрашивает: «Ну что Сёма, – не надумал?» Постоял, подождал немного... Я

молчу, – сил нет, мыслей – тоже... В общем, ушли они; меня – под сваей оставили... Лежу, думаю, что подохнуть, вроде, не страшно, страшно – руки и ноги отморозить; стал шевелить конечностями потихоньку, экономя силы... Не знаю – сколько пролежал, вдруг – слышу голос Фокичева; я даже не понял, что он говорил, но стал кивать, говорю: «Согласен... согласен...» – несколько раз повторил, – боялся, что голос ослаб... Короче, Славка с Игнатом сваю убрали и оттащили меня отогреваться... Получается, Боря, что нам обоим минувшей зимой на снегу-то полежать довелось...

Теперь Борису было стыдно за свой рассказ, хотелось как-то оправдаться или хотя бы выразить сочувствие Петру. Оба долго молчали.

– Обошлось, – очухался, – продолжил Семёнов. – Были пузыри на пальцах, но не более того... Фока тогда твёрдо решил точку в этом деле поставить, а получилось – многоточие... «Крутых» на лесопилке подкараулили... Мне с Катком и Кондратом поручили отсекал примкнувших к ним; Хасан – с другой стороны толпу отвлекал ещё с кем-то... Когда сцепились, – Жека Шустрикову сначала ногу сломал, потом – башку свернул. Ну, а Кистеню – сначала от Лихачёва крепко досталось, но, когда Гилёв Шустрого уложил, Лихача они совместными усилиями быстро запинали, а когда отошли, – Иван Мокрушин крепления выбил, – брёвна и посыпались. Все, естественно, разбежались; один Мокрушин – лежит на куче брёвен с кувалдой в руках, а под кучей – два трупа. Вот и получилось, что Мокрый во всём виноват... Кондрат потом пытался на Фоку «наехать», но Фокичев его быстро «остудил», да ещё прикалывался, что у Ваньки, мол, фамилия подходящая для «мокрухи»... Короче, дали Мокрому после лечения офигенный срок и отправили на другую зону; а вот Игнат Кистень и Жека-Костолом – как-то по-тихому исчезли... То ли уж очень не хотелось начальству официально признавать факт массовых беспорядков, то ли Игнат Кистень и Женя Гилёв кому-то зачем-то ещё нужны, но то, что Фока сдал их всех троих – это, по-моему, очевидно... С их уходом влияние Фокичева на сидельцев значительно ослабло; беспредела на зоне не стало... почти. Правда, перед самым новым годом Фока сдуру попытался свой авторитет восстановить: стал «наезжать» то на одного, то на другого, – многих разозлил. В общем, если без подробностей, – «отметелили» его основательно. Только Славка и Марат пытались его защищать – двое против толпы... Я стою у окна, наблюдаю, вдруг вижу: Фока в мою сторону летит – прямиком башкой на край батареи. Подхватил я его в последний момент – смягчил удар; кровящи, правда, много было. Гляжу: сейчас запинаят, добьют; руку поднял, кричу: «Всё, ребята, хорош!.. Как бы не подох!» Они кровь увидели – стали расходиться... Потом Фока, когда ему башку «починили», собрал своих, меня – тоже позвал, – долго агитировал за себя, рассказывал о своих отношениях с «хозяином», ещё с какими-то «упырями» с воли... Короче, уговорами и угрозами добился он для себя положения шаткого равновесия, которое и сохранялось до известных тебе событий.

– А как ты с отцом Николаем познакомился?

– После того, как под сваей полежал – начал в церковь заглядывать, а когда узнал, что тут многое ещё не доделано, попросился сюда работать; Фокичев – за мной увязался, – понял, что тут для него безопаснее, однако, как видишь, не прижился здесь... Отец Николай в людях хорошо разбирается, иногда кажется, что мысли читать умеет; какие-то неполадки в самой душе способен заметить и помочь их исправить. Я сразу и не заметил, как он подsunул мне какие-то подсказки и помог на жизнь по-другому посмотреть. Не скажу, что я коренным образом изменился, но спокойно как-то стал ко всему относиться; новые ориентиры в жизни появились, новый смысл...

Борис всё больше ощущал, что эти рассуждения нагоняют на него какую-то странную тоску, он чувствовал, что должен многое переосмыслить. Недавние события, как бы спонтанно, всплывали в памяти Бориса и, поворачиваясь разными сторонами, подстёгивали, почти лишённые слов, размышления. Затянувшись на несколько дней и ночей, этот бесплодный самоанализ

основательно измотал Бориса и привёл его к отцу Николаю с, висящим в воздухе, вопросом, не желающим вылиться в слова.

– Спросить о чём-то хочешь? – опередил Бориса священник.

– Хочу, – подтвердил Борис. – Похоже, что это у меня на лбу написано...

– Можно и так сказать. Скажу больше: ты и сформулировать толком не можешь свой вопрос.

– Это – тоже «на лбу»?

– Стал бы ты иначе так медлить?.. Ладно, – могу попробовать ответить, не дожидаясь вопроса; однако не думай, что я тебе сейчас выдам окончательный, единственно верный ответ и дальше всё будет хорошо... Самый правильный для тебя ответ сможешь найти только ты сам. Давай-ка для начала попробуем убрать препятствия на пути к этому ответу: постарайся избавиться от всех своих обид, а обидчиков – простить. Это – трудно, на это могут уйти многие годы... Научись – не злиться, не обижаться...

– А ненавидеть – можно?

– Можно, но – не полезно. Ненависть «сожрёт» тебя изнутри...

– Один мой знакомый говорит, что надо учиться спокойно ненавидеть – ненавидеть без злобы.

– Твой знакомый интересуется дальневосточными учениями?

– Да.

– Православие учит, что ненавидеть надо зло, ненавидеть надо грех, ненавидеть надо порок, но – не человека.

– Даже – если человек поступает подло?

– Даже – если тебе кажется, что человек поступает подло... Не забывай, что ты можешь и ошибаться, можешь не знать об истинных причинах тех или иных поступков. Что же касается мировоззренческих систем дальне-восточного происхождения, то они, вероятно, могут таить в себе опасность; полагаю, что самурайское бесстрашие – ложное, оно основано на гордыне, тогда как православное – истинное, оно основано – на смирении.

– Получается, что всем надо угождать, со всеми соглашаться?

– У тебя извращённое представление о смирении... Преуспела безбожная власть в искажении некоторых понятий... Думаю, что разберёшься постепенно, что такое – истинное смирение. Почитай для начала хотя бы житие Сергия Радонежского... Подожди, – я сейчас...

Отец Николай ушёл, а через несколько минут вернулся с открытой книгой и протянул её Борису. Поднявшись на колокольню, Борис углубился в чтение. Вскоре появился и Пётр; едва поднявшись по лестнице, он обратился к Борису:

– Опять какие-то неприятности?

– Ты о чём? – удивился Борис.

– Кого ты там вчера «вырубил»?

– Ерунда... Я уже и сам почти забыл... Какой-то урод назвал меня этой поганой кличкой...

– Какой кличкой?

– Бобоном.

– А ты?

– А я... – Борис сделал выразительный жест кулаком. – Короче, напомнил уроду, что у меня имя имеется.

– Показываешь уголовникам своё пренебрежение к ним?! Напрасно!.. Пора бы тебе смириться.

– И ты туда же!.. Перед кем смириться?.. Перед этими скотами?

– Что читаешь? – Пётр сел рядом с Борисом и заглянул в книгу. – Это – правильно, правильно, – читай; это – именно то, что тебе нужно... Опередил меня отец Николай...

Пётр встал, прошёл в восточную сторону колокольни, осмотрелся и, будто размышляя вслух сказал:

– Хороший вид отсюда... А смириться, Боря, надо не перед подонками; я, правда, и сам это до конца не понимаю, но чувствую я, что не случайно нам всё это досталось; думаю, что другими мы отсюда выйдем.

– Если вообще выйдем, – мрачно добавил Борис.

– А ты ублюдков не зли напрасно, тогда – выйдем... может быть. Из-за кликухи – не злись, отзывайся, а перед тем, кого ударил, – извинись... Эти скоты ведь и не поняли даже, что тебя взбесило.

– Я его даже не запомнил.

– У Славы Каткова спроси. Это – он мне сказал. К тому же он, вроде, попримечнее остальных – ещё не окончательно оскотинился... А кликуху эту они тебе «прилепили», в каком-то смысле, даже из уважения.

– Видал я *ихнее* уважение!..

– Ладно тебе, – хватит!.. К тому же, на стройку скоро придётся идти; там, говорят, всё заросло. Постарайся до этого как-то смягчить свои отношения с уголовниками.

Борису казалось, что разум его перегружен; события перепутались, оценка их многократно изменялась. Он даже решился, как и советовал Пётр, обратиться к Вячеславу; разговор начал резко, без церемоний:

– Говорят, что ты видел, как я вчера кого-то ударил. Не помнишь, – кого именно?

– А я что... Бобон... Я же как лучше хотел... Я только Сёме... Я говорю: «Зря Бобон Психа приложил; братва и так гудит».

– А где Псих?

– Оставь, в натуре... Зачем он тебе?

– Извиниться хочу.

– Вот это – по понятиям!.. Где же он?.. Только недавно видел, – Вячеслав, вытянувшись, осмотрелся. – Да вон же он – с Хомяком «базарит», вон – на скамейке.

Борис кивнул и направился в указанном направлении. Невольно услышанная Борисом, беседа вызвала у него чувство омерзения. Щекастый, в самом деле похожий на хомяка, коротышка о чём-то оживлённо рассказывал долговязому уголовнику, покрытому наколками. Долговязый – хихикал и отвечал короткими репликами, наполненными наигнуснейшим матом. С трудом преодолевая отвращение, Борис подошёл ближе. Увидев его, долговязый подскочил.

– Бобон, я, в натуре, не при делах!.. Подожди, – долговязый предусмотрительно выставил вперёд руки, – давай разберёмся!

– Да успокойся ты!.. Похоже, что ты, действительно, «не при делах», – схитрил Борис, не желая демонстрировать своё отвращение. – Короче, извини.

– Да я – без обид, в натуре, понимаю; сам иногда психонуть могу.

– Ну ладно, раз «без обид», – Борис кивнул и направился прочь, размышляя: «Ну и ладно, главное, что конфликт погашен... И как я мог мимоходом кому-то врезать и забыть об этом?.. Надо брать себя в руки».

Размышления Бориса неожиданно прервал Пётр:

– Иди за мной.

– Что случилось? – Борис последовал за Петром, стараясь сохранять дистанцию.

– Осторожно посмотри направо. Видишь двух новеньких?

– Кто такие?

– Позже, – Пётр ускорил шаг и направился к выходу из помещения.

– Поздно вато уже. Неприятностей не боишься?

– Всё в порядке, – я договорился.

Быстрым шагом Пётр направился в сторону административного корпуса.

– К начальству идём?! – удивился Борис.

– Можно и так сказать... Запомнил тех двоих?

– Заметные ребята... Кто они?

– Который пострашнее – Жека-Костолом, второй – Игнат Кистень... Можешь себе представить, что беспределщиков сначала убирают с зоны, а потом – вдруг возвращают?!.. Что бы это значило?

– Мне-то откуда знать?.. А к начальству-то зачем?

– Сейчас узнаешь, – Пётр открыл дверь и пропустил Бориса вперёд. – Подожди здесь.

Пётр постучал в дверь и вошёл в кабинет.

Озадаченный Борис ходил из стороны в сторону, перебирая в уме возможные неприятности, которые может предвещать столь странная ситуация. Когда дверь кабинета открылась и на пороге появился милицейский подполковник, настроение у Бориса испортилось окончательно.

– Заходите, – пригласил подполковник.

Борис обмерял офицера злобным взглядом и вошёл в кабинет.

Сидевший за столом, Пётр жестом предложил Борису сесть напротив. Не скрывая удивления, Борис посмотрел сначала на Петра, затем – на подполковника, после чего занял предложенное место.

Подполковник молча ходил по кабинету, не глядя на осуждённых.

– В общем, тут такая фигня получается, – начал Пётр, – возможно, что нас с тобой завтра поубивают на хрен... Короче, пора «раскрывать карты», – Пётр положил перед Борисом удостоверение.

– Так ты – мент?!

– Как видишь... Зря ты в это дело влез... Ну да ладно: теперь всё равно обратного пути уже нет. Нам придётся пройти через это; но ты – должен знать правду: Фока и те двое – это всего лишь чьи-то «щупальцы».

– А если их «обрубить» – «вырастут» новые.

– Вероятно.

– Ну, а тебе-то это зачем?.. Стоит ли твоя «собачья» работа того, чтобы так рисковать?

– Я – тоже увяз... Для меня это – не просто задание; я должен был бы срок на ментовской зоне отбывать... Сейчас, однако, важно другое... Готов ты серьёзно поработать?

– Куда я денусь?! Придётся.

– Хорошо, что понимаешь... Нам бы надо не только кулаками, но и мозгами поработать... Разговорить бы тех ребят, да, желательно, – по одному. Нужна, видимо, какая-то хитроумная провокация; придумывать её, похоже, придётся по ходу дела.

– Посмотрите-ка вот эти фотографии, – вмешался в разговор подполковник. – Это – с той зоны, на которую отлучались Евгений Гилёв и Игнат Кистень. Что скажешь, Петя?.. Ты ведь, вроде, разбираешься в таких делах.

– Жуть какая! – заключил Семёнов, рассмотрев фотографии трупов.

Подполковника такая оценка снимков не устроила и он обратился к Борису:

– Может быть вы, Борис Борисович?..

Борис рассортировал фотографии и положил их перед Петром.

– Исходя из твоего рассказа, думаю, можно предположить, что вот это – работа Костолома.

– Ну да, ну да, – согласился Пётр, затем внимательно пересмотрел обе группы фотографий, но тут же пожал плечами и спросил:

– Что это нам даёт?

Ну надо же!.. А майор говорит, – Борис через плечо указал на подполковника, – что ты разбираешься...

– Хорошо издеваться!.. Что ты тут увидел?

– Не понимаешь?.. Это же работа двух профессионалов высокого уровня, но в разных стилях: Костолом – это дзю-дзюцу или что-то подобное, а вот второй – это *о-оч-чень* интересно... Вот, гляди, – Борис несколько раз ткнул пальцем в некоторые места на снимках, но, не увидев ожидаемой реакции, спросил:

– Понял?

– Нет... Извини, но тут, вроде, разве что только небольшие синяки.

– У этих ведь нет опасных для жизни повреждений? – Борис посмотрел на подполковника.

– Верно, – согласился тот.

– И тем не менее, они мертвы?

– Да.

– Работа по точкам? – догадался Пётр.

– А если человек сумел изучить такое... Не похож он на простого уголовника; для этого – интеллект нужен, интеллект и огромная работа над собой... Выводы, конечно, делать рано, но подумать есть над чем.

– Ну хорошо, – подполковник взглянул на часы, – будем думать; а пока – вот вам «жучки» для подстраховки, закрепите их надёжно в одежде.

Подполковник положил «жучки» на стол, а удостоверение Петра забрал, но, не донеся его до кармана, сказал задумчиво:

– Надо бы какие-то кодовые слова придумать; в случае чего – «напрягу» здешнюю охрану.

– Игорь Петрович, – Пётр откинулся на спинку стула, – я думаю, – догадаешься без особого труда, если совсем плохо будет; ну в крайнем случае – ругаться начнём матом; это – для нас не характерно – вот пусть и будет сигналом.

– Да, – подтвердил Борис, – я очень редко матерюсь, разве, если вдруг ментовскую форму увижу...

– Ладно, – договорились... Более не задерживаю.

Не желая надеяться на Петра, Борис решил самостоятельно разобраться в обстановке и с первого же дня работы на стройке стал пытаться использовать все возможности для общения с уголовниками. Изучая таким образом ситуацию, Борис быстро пришёл к выводу, что время работает против него. «Явно, что-то намечается, – размышлял он. – Фока опять своих пытается собрать... Действовать надо, действовать – на опережение».

Стоявшая два дня, жара сменилась дождями. Часть заключённых перевели на другую работу. «Убрали лишних свидетелей?» – думал Борис, укрывшись под ветхим навесом от дождя; когда вдруг откуда-то прибежал сильно промокший Дмитрий.

– Ты откуда взялся?.. Я думал, что тебя тоже отослали.

– Не отослали, как видишь, а жаль, – задолбала уже эта стройка... Не люблю бессмысленную работу... Зачем им этот долгострой?!

– Может, зачем-то и нужен... Не кажется тебе, что начальство тут какое-то странное – со своими причудами?

Дождь несколько стих и Борис, не дожидаясь ответа, направился в сторону котлована, где ранее видел Кистеня. В ту же минуту около котлована появился и Пётр.

– Не поверишь!.. – сбивчиво заговорил он, пытаясь отдышаться. – Удалось Кондрата на Фоку натравить... Сейчас «лаются».

– А остальные?

– Катков – за Кондрата, Хасанов – за Фокичева, прочие – колеблются.

Не прошло и минуты, как в сторону котлована пробежал Хасанов.

– Ты гляди, какая спешка!

– Пойдём, посмотрим.

В котловане, явно на повышенных тонах, беседовали Гилёв и Кистень. Подбежавший к ним, Хасанов начал бурно жестикулировать; однако Игнат довольно грубо развернул Хасанова и оттолкнул. Гилёв принялся толкать Кистеня, наступая и что-то выкрикивая, но вдруг резко повернулся и пошёл прочь; Хасанов засеменил рядом.

– Интересно... Пойду-ка я, пожалуй, с Кистенём поговорю.

– Давай, только осторожно, – согласился Пётр. – А я прослежу за теми двумя.

Убедившись, что Кистень остался один, Борис направился к нему.

– Ну что, Игнат, по роже хочешь получить?

Не ожидавший такой наглости, Кистень отступил.

– Мне, похоже, терять нечего, – продолжал Борис.

– Подожди, – Игнат сделал останавливающий жест рукой. – Ты мне не нужен; да и для Костолома ты – «мишень номер два». Он прежде всего с Сёмой должен разобраться.

– Да ну! – не поверил Борис.

– Не понимаешь?.. Сёма – мент, он под «хозяина» «копает».

– Я должен верить в эту чушь?.. Для чего ты мне это говоришь?

– Я бы не возражал, если бы ты разобрался с Костоломом и с Фокой.

– Тебе-то это зачем?

– А затем, что хотелось бы живым выбраться из всего этого.

– А влазил зачем?

– Долг у меня был перед Костоломом; правда, на мой взгляд, я уже сполна расплатился; но он – думает иначе.

– А про Сёму откуда такая информация?.. Стал бы Фока с ним «корешиться», если бы это – было правдой?

– Фока – дурак... Сёма его использует... Откуда информация – не знаю; у Костолома спроси.

– А меня кто заказал?

– Это тебе лучше знать... Кому ты на воле «на мозоль наступил»?.. Возможно, что Фока и Костолом в курсе, хотя... Нет, нет, – такие заказы, видимо, по цепочке передаются; тебе – это не отследить; разве, если с Сёмой договоришься.

– Хасан-то зачем прибежал?

– У Фоки раздор в его банде... Не хочешь попробовать воспользоваться этим?

– Ладно, пойду, посмотрю, что у них там.

Часто оглядываясь, Борис кратчайшим путём выбрался из котлована и, стараясь не привлекать к себе внимание, принялся осматривать территорию стройки.

Проследив за Костоломом и Хасаном, Пётр оказался среди нагромождения железобетонных плит. Проход, ограниченный плитами, заканчивался тупиком, где в окружении нескольких осуждённых Кондрат и Каток о чём-то оживлённо беседовали с Фокичевым, то и дело пуская в ход кулаки.

Часто озиравшийся по сторонам, Хасанов давно заметил Петра, но не знал, как на него реагировать.

Костолом шёл быстро, не оглядываясь; легко отшвырнув Кондрата, он направился к Каткову; но тот, душа одной рукой Фокичева и прикрываясь им, принялся отступать.

– Посторонних уברי! – крикнул Костолом Хасанову, обернувшись.

Наблюдатели посторонились, но уходить не спешили: одних удерживало любопытство, другие же, испытывая враждебное отношение к Фокичеву, были возмущены появлением его защитников. Видя, что угрозы и оплеухи не действуют, Хасан вопросительно уставился на Петра, вероятно, надеясь на его помощь. Семёнов, действительно, быстро избавил Хасанова от необходимости выполнять трудное поручение, одним ударом отправив его в глубокий нокаут. Устранив возможную помеху, Пётр направился к Костолому, который к тому времени уже успел несколько раз весьма ощутимо достать Каткова через голову Фокичева, а теперь повернулся и готов был встретить нового противника. Сохраняя дистанцию, Пётр нанёс несколько резких ударов. Слегка пошатнувшись, Костолом лишь ещё больше разозлился и бросился вперёд; однако Пётр ушёл в сторону и повторил серию.

Хорошо запомнив фотографии изувеченных трупов, а так же зимнюю разборку с Лихачём и Шустрым, Пётр старательно избегал сближения; слабая надежда на чью-либо помощь так же удерживала его от решительных действий. Наблюдатели, однако, на помощь не спешили; даже, уже пришедший в себя, Вячеслав подключиться не решался; тогда как, выпавший из его поля зрения, Фокичев, отползая, нащупал в траве арматурный прут и уже готов был пустить его в действие.

Продолжая дразнить Костолома, Пётр старался оценивать обстановку целиком и намерения Фоки показали ему совершенно очевидными.

– Каток, осторожно! – успел выкрикнуть Семёнов.

Получив предупреждение, Вячеслав в последнее мгновение увернулся от металлического прутка, одним ударом уложил Фоку и, устыдившись своей нерешительности, двинулся на Костолома.

Вновь усилился дождь. Измотанные противники старались экономить силы. Вячеславу удавалось лишь отвлекать Костолома, тогда как удары Петра были достаточно точны. Получив очередной удар, Костолом рухнул как подкошенный, однако в то же мгновение от удара прутком по ногам взвыл Катков и бросился на вновь пришедшего в себя Фокичева. Фока успел ударить повторно и замахнулся опять. Спасая Вячеслава от смертельного удара, Пётр устремился к Фокичеву. Выбитый прут упал на Каткова. Семёнов теснил Фоку к плитам, нанося многочисленные удары уже изрядно ослабевшими руками.

Костолом, поднимаясь, занёс руку над Катковым, но, не усмотрев в нём признаков жизни, поднял прут и направился к Петру.

Издали увидев происходящее, к месту драки бежал Борис; он уже готов был броситься на Костолома, но, появившийся откуда-то, Хасанов сбил Бориса с ног. Кувыркнувшись, Борис предпринял ещё один рывок и уже готов был нанести удар ногой по, направленной в Петра, арматурине, но в этот момент второй удар Хасанова настиг его. Падая, Борис рывком оттолкнулся и взмахнул ногой; время вдруг показалось ему каким-то вязким и тягучим; он успел ужаснуться, осознавая без слов, что нанести удар из такого положения – невозможно; в тот же миг какая-то сила, будто пришедшая извне, наполнила его, до боли вытягивая всё тело в нужном направлении. Падение получилось очень жёстким, однако Борис успел заметить, как отклонённый его ударом, стальной прут, пройдя мимо Петра, вонзился в грудь Фокичева.

Пока Костолом матерился, глядя на, сползающее по плитам, тело Фокичева, Борис, не поднимаясь с земли, ударом ноги подбил ноги Хасанова, заставив его совершить полёт с финальным ударом затылком о землю.

Отбросив Петра мощным ударом ноги и выдернув прут из тела Фоки, Костолом повернулся к, ещё не успевшему подняться, Борису. Борис приготовился встретить прут ногой, но удара не последовало.

Костолом вдруг опустил руки, выронил прут и, покачиваясь, повернулся. Позади стоял Игнат.

– Вот теперь – мы уже точно в расчёте, – сказал он и нанёс несколько точных ударов.

Костолом пытался защититься, но, так и не сумев отразить ни одного удара, рухнул на землю.

– Кто желает доложить начальству о драке между двумя осуждёнными?! – громко обратился Игнат к наблюдателям, обводя присутствующих пронзающим взглядом.

Осуждённые начали расходиться; Игнат же принялся помогать Кондрату приводить в чувства Каткова.

С трудом преодолевая боль, Борис помог подняться Петру, после чего тут же попытался связаться:

– Самое время ментов поматерить, – тебе не кажется?

Испытывая боль даже от дыхания, Пётр не ответил.

Начальство отреагировало на происшествие лишь вялым разбирательством. Версию Игната никто отрицать не стал. Уже через два дня осуждённые вернулись на объекты.

Обрадовавшись возвращению работников, отец Николай попросил привести в порядок газон, однако вскоре предложил Петру прекратить работу, видя, что каждое движение причиняет ему боль.

– Да ладно... Нормально всё, – возразил Пётр.

– Он у нас, видимо, мазохист, – предположил Дмитрий.

– Чем скалиться, лучше усадите его на скамейку, – пусть отдыхает.

– Мы ему даже компанию составим, – заявил Борис, бросая лопату и увлекая Петра к скамейке.

– Почему я вас на службе уже несколько дней не видел? – поинтересовался священник.

– Мы бы с удовольствием... – начал было оправдываться Дмитрий, но, встретив взгляд Петра, принялся выкручиваться:

– У вас там всё непонятно. Вам бы со славянского на русский все тексты перевести.

– Может, для здешнего контингента ещё на «феню» всё перевести?! – возмутился Борис, после чего усмехнулся собственным словам и добавил:

– Представь себе: «В натуре, базарю вам!...»; ну и так далее...

– У меня, вообще-то, словарь имеется...

– «Фени»? – сострил Дмитрий.

– Церковно-славянского... Что не понятно – смотрите, или спрашивайте, если самим лень искать, – спокойно проговорил отец Николай.

– А я думаю, что всё понятно, – продолжил Борис. – К тому же, не это – главное; важно понять – как над собой работать, как самого себя переделывать.

– Замечательно... Возможно, что ты приблизился к ответу на свой не заданный вопрос; однако учти, что бывают такие парадоксальные ситуации, когда человек, вроде бы, двигаясь в правильном направлении, приходит к чудовищной ошибке, к индивидуальной катастрофе.

– Как это?! – удивился Борис.

– Очень просто: однажды ты вдруг понимаешь, что всё понял и всего достиг, – это значит, что ты пропал... Понял?

– Нет.

– Ну вот, – вмешался Пётр, – а ты сожалел, что не победил в абсолютной категории; даже не понимаешь – какой беды избежал!

– Всё шутишь?

– Нет... Скажи-ка: а стремился ли Сергей Радонежский стать игуменом, возвыситься над другими монахами?

– Разве можно это сравнивать?

– Думаю, что можно и нужно.

– Что-то мешает мне принять это, особенно – после недавних событий.

– Сам же говоришь, что надо работать над собой, переделывать себя; вот и попробуй проанализировать произошедшее, ошибки свои найти.

– Ошибки?! Ты о чём?!

– О том, хотя бы, что Топоровского ты несколько раз преднамеренно обидел... Зачем?

– Какого ещё Топоровского?

– Игоря Петровича... Фотки он нам показывал... Забыл уже?

– Вот ты о чём... Ладно, – возможно, есть о чём подумать... Правда, что-то тяжело мне это.

– Кстати, он мне обещал, что сделает всё возможное для пересмотра твоего дела и сокращения срока.

Чувствуя себя загнанным в угол, Борис молчал.

– Не всё сразу, Борис, не всё сразу, – подбодрил Бориса отец Николай. – Я предупреждал, что ответ на свой вопрос ты не сразу получишь... Путь верный нащупать – совсем не просто... Что же касается твоего досрочного освобождения, – обещаю, что и я по своим каналам об этом похлопочу.

Под стук колёс Борис задремал, сидя у вагонного окна. Воспоминания причудливо изменялись, перепутывались, наполнялись новым содержанием; мучительный сон то охватывал целиком сознание Бориса, то отпускал подобно набегающим и вновь отступающим волнам. Нарушившая этот монотонный ритм, встряска вернула Бориса к реальности. Увидев над собой лицо Дмитрия, Борис выпрямил спину и тяжело вздохнул.

– Борь, ты бы лёг!.. Смотреть страшно, как ты носом клюёшь; так и кажется, что вот-вот лицом в стол врежешься.

Борис отрицательно покачал головой и сказал:

– Муть какая-то снится, кошмар; боюсь, что это – теперь надолго.

– Отвлечься чем-то надо, – Дмитрий выразительно щёлкнул по горлу.

– И не думай – пока домой не вернёшься.

Выдержав паузу, Дмитрий сменил тему:

– Боря, я всё спросить хочу: почему тебя урки Бобоном прозвали?

«Разве его не было тогда на лесопилке?» – пронеслось в голове у Бориса.

– Вероятно, потому, что – Борис Борисович, – протянул Борис, не желая утруждать себя воспоминаниями и рассказом о том, о чём ему хотелось забыть.

«Мог просто оказаться где-то в стороне» – нашёл для себя объяснение Борис.

– А я слышал, что нельзя сыновей называть именами отцов.

– Это почему?

– Примета, вроде, такая: то ли кто-то из двоих может погибнуть, то ли сын может повторить судьбу отца.

– Получается, что я скоро утону?

– Почему именно утонешь?

- Отец утонул месяца за два до моего рождения.
- По пьянке?
- Почему обязательно по пьянке?.. Ребёнка чужого спасал: весной река разлилась, – берег подмыло; а дети близко подошли, – вот и съехали в воду с куском берега... Мать говорила, что двоих сразу вытащили, а третьего – течением понесло; отец по берегу его обогнал и в воду бросился... Течение весной сильное... Он пока выгребал к берегу, видимо, замёрз, да и устал; ребёнка смог к берегу подтолкнуть, а самого – унесло... Тело нашли через несколько дней...
- Сколько ему было?
- Тридцать три года.
- Если верить отцу Николаю, – такие люди должны попадать прямиком в рай.
- Про рай – не знаю, а вот в газету – попал; у матери вырезка хранится в альбоме с фотографиями.
- Ты на всякий случай воды-то старайся избегать.
- А вот отец Николай говорит, что подобные приметы – суеверия и чушь.
- Может, и так, но всё же они не на пустом месте возникают.
- Ладно, Дима, учту... Хотя, плаваю я вполне сносно.
- Так же как дерёшься?
- Не знаю... Не понимаю, как это можно сравнивать.
- А как ты драться научился?.. Почему взялся за это?
- В школе задрезали в младших классах... Если Лапшин – значит: «Лапша»... Не хотелось «Лапшой» называться; пошёл сначала – на борьбу, потом – на бокс; дальше: каратэ, другие боевые искусства; вот так и втянулся в это дело постепенно.
- Посмотрел я на ваши тренировки, – ужас; я бы так не смог... Не представляю, как так можно добровольно над собой издеваться.
- Напрасно ты так. В тренировках есть даже какое-то удовольствие.
- Удовольствие?! Ну уж нет!.. Кстати, об удовольствиях: как думаешь, есть тут вагон-ресторан?
- Ты что сдурел?! Забыл откуда едешь?! Приключений около вокзала тебе мало?
- Я теперь свободный человек; у меня есть гражданские права.
- Нет у тебя никаких прав, пока паспорт не получишь и на работу не устроишься... Правда, у меня ощущение такое, что я до конца дней своих буду на другую сторону улицы переходить, завидев мента на горизонте.
- Зря ты так; менты – тоже люди...
- Давай-ка оставим эту тему; только пообещай мне, что пока домой не приедешь – будешь «тише воды, ниже травы».
- Ладно, – договорились.

- Они освободились вместе, вместе вышли за ворота.
- «Не обманул-таки подполковник!» – радостно подумал Борис, осматриваясь по сторонам.
- Ну, что ты?.. Пойдём! – позвал Дмитрий, оглянувшись.
 - Давай подождём: сейчас ещё двое должны выйти.
 - Ну уж нет!.. Хочешь ждать – жди; а я пошёл, – заявил Дмитрий и решительно двинулся вперёд.
- Борис неодобрительно покачал головой, разглядывая то удаляющегося Дмитрия, то группу подростков, устремивших свои взгляды в сторону ворот.

Вблизи остановился грузовик. Укрываясь от взглядов за грузовиком, Борис зашёл за полосу кустов и быстро пошёл по траве параллельно дороге. Через просветы в зарослях он видел, как двое подростков отделились от группы и последовали за Дмитрием, ещё один – отбежал в сторону и помахал рукой; тут же к подросткам присоединились двое взрослых. Борис подождал, убедился, что остальные не оставили свой пост у ворот и продолжил движение. Увидев впереди вокзал, Борис вскоре заметил Дмитрия и, обступивших его, четверых преследователей. Решив, что застал момент перехода от психологической обработки к избиению, Борис перешёл на бег. Сумев, не создавая шума, приблизиться незаметно, он первым же ударом надёжно отключил одного из взрослых и направился к другому.

– Дим, придержи шпану, – попросил Борис и мощным лоу-киком подкосил второго.

За третьим всё же пришлось пробежаться. Подстраивая свои шаги под шаги, бегущего перед ним, подростка, Борис вдруг прыжком поставил свою правую ногу перед его левой ногой и тут же ударил локтем под затылок, от чего парень упал, впечатав лицо в траву. Вернувшись обратно, Борис добавил для надёжности взрослым и, убедившись в бесполезности действий Дмитрия, одним резким ударом в голову отключил второго подростка.

– Ну что, Дима, ещё один погулять хочешь, или мне компанию составишь? – поинтересовался Борис.

В связи с очевидностью ответа Дмитрий молча полёлся за Борисом в сторону вокзала и заговорил лишь при покупке билетов:

– Может, поедим где-нибудь?

– Нет, – отрезал Борис, – вернёмся на лоно природы.

– Почему бы нам в зале ожидания не посидеть?

– Там ходят менты, а возможно, что и не только они, – сказал Борис и уверенно направился к выходу из здания вокзала, а затем далее – к массиву кустарника.

Пока Дмитрий ворчал и пытался поудобнее устроиться, Борис внимательно осмотрел окрестности.

– Гляди-ка, – сказал он вдруг, указывая в сторону привокзальной площади, – наши идут.

– Потрёпанные какие-то.

– Что же это с ними такое случилось?.. – начал было язвительно Борис, но, чуть помедлив, продолжил уже совершенно другим тоном:

– А вот и ещё сюрприз, – гляди, только из-за кустов не высовывайся.

Дмитрий мрачно пронаблюдал, как сотрудники милиции уводят куда-то двоих освободившихся и тяжело опустился на траву.

Поезд остановился на какой-то станции и малочисленные пассажиры потянулись к выходу. Тишина в вагоне установилась не более чем на минуту, после чего большая шумная компания хлынула в вагон бурлящим потоком; замелькали, увешанные значками, зелёные куртки, слышались оживлённые разговоры. Когда поезд тронулся, суeta немного улеглась. Рассредоточившись по вагону, строительный отряд разделился на несколько компаний; зазвучали гитары. К Борису и Дмитрию несколько раз подходили студенты с просьбой поменяться местами, но, получив вежливый отказ, уходили.

Погружаясь то в дремоту, то в размышления, Борис не сразу заметил очередного визитёра, а, услышав, уже надоевшую ему, просьбу, лишь отрицательно покачал головой. Нагловатый парень, держа в правой руке гитару, опёрся левой на стол и, наклонившись, повторил просьбу угрожающим тоном:

– Вас пока по-хорошему просят: перейдите на другие места!

Не заметив желаемой реакции, парень принялся буравить взглядом то Дмитрия, то Бориса; после чего добавил:

– Слушайте, «урки»: вы у меня сейчас с поезда сойдёте прямо на ходу! – с этими словами он сильно толкнул Бориса и, захватив за одежду, потянул на себя.

Борис легко поддался, но затем прижал руку наглеца к своему плечу и, сделав захваченной рукой круговое движение, резко надавил вниз, от чего парень вскрикнул и осел. Борис не спеша перехватился и, наращивая болевое воздействие, притянул студента ближе; дотянувшись левой рукой до гитары, отобрал её, как бы случайно ударив наглеца декой по голове и, несколько изменив направление давления на кисть, оттолкнул его от себя.

Пока студент поднимался, стонал и рассматривал свою руку, Борис взялся за изучение трофея. Пробежав несколько раз пальцами по струнам, он решил, что звучание его не устраивает и принялся перенастраивать гитару под себя.

– Учил тебя отец Николай, учил; а что толку? – съехидничал Дмитрий.

– Не скажи!.. Толк есть, не много, правда, но есть; хотя, в целом – как в темноте, но толк есть.

– Сам понял, что сказал?

Не желая продолжать бесполезный разговор, Борис углубился в настройку.

– Она же настроена! – возмутился хозяин гитары и потянулся за инструментом.

Борис жестом показал свою готовность вновь взять руку студента в обработку. Парень отстранился и тяжело вздохнул.

Закончив с настройкой, Борис сыграл какую-то мелодию, переключился на другую, потом на третью. Заинтересовавшиеся студенты засыпали Бориса вопросами и предложениями, а придя к соглашению, затянули песню. Откуда-то появилась вторая гитара, грациозно управляемая худенькой студенткой по имени Даша. Перехватив вскоре инициативу и попросив Бориса подыгрывать, Даша спела несколько песен.

Борис не мог скрыть удивление:

– Не думал, что кто-то из современной молодёжи может петь песни Визбора и Окуджавы.

– Что же мне «попсу» что ли петь?.. Я хоть и блондинка, но не на столько же!.. Я вот тоже не подумала бы, что ты был в тюрьме... А ведь ты был в тюрьме?

– Достоевский тоже был на каторге – и что?.. А ты как определила, что я был в тюрьме?

– Заметно. У меня отчим заключённых возил; меня на экскурсию приводил в спецвагон.

– А отец?

– Отца убили... Я ещё маленькая была... Тебя тоже в спецвагоне возили?

– Было и такое.

– Страшно там... А в тюрьме, наверное, очень страшно.

– Очень, – согласился Борис. – Старайтесь туда не попадать.

– Жить надо честно, – тогда и не попадёшь, – уверенно заявил хозяин, захваченной Борисом, гитары.

Борис горько усмехнулся и спросил:

– Тебя как зовут-то?

– Николай.

– Так вот, Николай, запомни: в тюрьму в этой стране может попасть любой; для этого совсем не обязательно совершать преступление... У меня, кстати, хороший друг есть, – тоже Николай...

– Он – тоже уголовник?

– Нет, он – священник; правда, говорят, что тоже через зону прошёл.

– Руки выворачивать там же научились – на зоне?

– Не на зоне, а в спортивном клубе.

– А у тебя почта электронная есть? – наивно поинтересовалась Даша.

– Нет.

– Я тебе свой электронный адрес запишу; когда заведёшь почтовый ящик, напиши сообщение; а-то вдруг и в самом деле будешь как Достоевский... Можешь ты что-нибудь сочинить? Я – могу.

Наигрывая простенькую мелодию, Даша пропела несколько строк.

– Ну как?

Борис пожал плечами, но тут же спохватился и сказал:

– Нормально... наверное.

– Теперь ты.

Поперебиврав немного струны, Борис начал скорее даже не петь, а говорить вполголоса, подстраиваясь под звучание гитары:

Поезда бегут, поезда;
Серпантинном кружат дороги;
Вновь за окнами – города,
Их осталось уже не много...
Мне осталось не много дней
И не много разлук осталось;
Всё заметнее, всё видней
Вековая моя усталость,
Вековая моя тоска,
Вековая моя тревога...
Я не знаю наверняка
Был ли Путь... но была – дорога.
Разорву свой непрочный сон;
Вспомню плеск воды на плотинке,
Да колоколов перезвон,
Голос Галича на пластинке...
Голос Галича был так тих,
Он звучал дождю в унисон;
Вспоминался забытый стих;
Не понятно: где – явь, где – сон...
Вспоминался минувший век...
– Как у вас там всё?.. Шито-крыто?..
Ты зачем живёшь, человек?..
Как у вас там теперь «элита»?..
Я вопросом застигнут врасплох;
Я не знаю, что мне ответить...
– Я, пожалуй, был слишком плох;
А пожить мне, вроде, не светит...
А «элита», – да что о ней?.. —
– Я подумал, что сам он знает. —
– По сей день с тех далёких дней,
Это – то, что всегда всплывает,
Всё всплывает и всё бурлит;
Ведь «элита» – псевдо-элита:
Нашумит всегда, намутит
И, действительно, всё «шито-крыто»;
И «попса» на ушах – лапшой,

А шансон – обветшал и сник,
И почти что не слышен Цой,
И Высоцкого хриплый крик;
Окуджава – давно затих
И не слышно почти Талькова;
Под пустой, под «попсовый» стих
Мы «живём» теперь – бестолково;
В «телеящиках» – чепуха:
Море пошлости и разврата...
Как легко, не боясь греха,
Мы прошли рубеж «невозврата»!..
Собеседник качал головой,
Удручённый моим ответом,
Долго сетовал как живой
И, сутулясь, ушёл с рассветом.
Мне хотелось пойти за ним,
Но накрыл с головой туман...
Что имеем – то не храним;
Получаем взамен – обман...
И душа – как кривой урод;
В ней – отчаяние и сомнение...
Раньше – был в России Народ;
А теперь в ней – лишь население.
Вовлекает самообман
В бесполезную кутерьму...
Поутру – бывает туман;
Днём и вечером – всё в дыму.

– Ужас – как мрачно, – заключила Даша, перестав подыгрывать. – А повеселее что-нибудь?

– «Весёлая покойницкая» Высоцкого подойдёт?

Даша засмеялась и отрицательно покачала головой.

– Тогда, может быть, Николай что-нибудь изобразит?

Николай потянулся-было за гитарой, но, поморщившись, отказался:

– Рука болит.

– Ну извини, – сам виноват.

Теперь – за разговорами время летело быстро. Борис заметно повеселел; Дмитрий же – наоборот всё больше мрачнел.

– Что-то ты, Дима, какой-то невесёлый... Что случилось? – поинтересовался Борис.

– Чем ближе к дому, – тем больше сомневаюсь, что я там кому-нибудь нужен... А тебя кто-нибудь будет встречать?

– Не думаю... Я только приятелю одному сообщил, что приеду.

Дмитрий как-то виновато посмотрел на Бориса и хотел-было что-то сказать; но Борис уже опустил взгляд и, старательно выводя мелодию, пропел:

...Кто меня там встретит, как меня там примут
И какие песни там теперь поют...

Дмитрий покачал головой и проговорил задумчиво:

– Напутал слегка... Вот приеду – буду несколько дней подряд сидеть у магнитофона, Высоцкого слушать.

На перроне было малоллюдно. Покинув вагон, Борис поднял лицо навстречу мелкому осеннему дождю, будто хотел что-то разглядеть в, затянутом тучами, небе; потом осмотрелся и, проводив взглядом уходящий состав, медленно пошёл через железнодорожные пути. Он не сразу заметил, как из-под навеса автобусной остановки вышли трое и направились в его сторону.

– Постой, земляк!.. Закурить дай! – выкрикнул один.

«Начинается! – подумал Борис. – И почему все эти ублюдки уверены, что кто-то обязан их угощать сигаретами?!» Приняв чуть левее, он лишь отрицательно покачал головой, собираясь обойти попрошаек.

– Постой!.. Тебе, что сигареты жалко?! – продолжал тот же голос.

«Хреново ты внимание отвлекаешь», – размышлял Борис, уже заметив, как другой заходит сзади. Стараясь увеличить дистанцию, Борис отшагнул, одновременно слегка развернувшись; это – оказалось весьма своевременно: вписав в этот же разворот жёсткий блок, Борис выбил, направленный на него, нож; той же рукой нанёс восходящий удар, который, однако, получился слабым, поскольку Борису пришлось торопливо менять позицию, встречая сразу двоих. Закрываясь одним нападающим от другого, он развернулся на сто восемьдесят градусов и успел нанести несколько коротких ударов; однако обе руки его тут же оказались захваченными. Тем временем нападавший первым – поднялся, пощупал челюсть, осмотрелся в поисках ножа и, не найдя его, направился к Борису, расстёгивая на ходу куртку.

Увидев рукоятку пистолета, Борис рванулся вперёд, едва не повалив удерживавших его, и резко взмахнул ногой. На этот раз удар привёл к нужному результату. «Вот что значит мотивация!» – думал Борис, всё же не понимая, как он сумел дотянуться. Теперь нужно было освободить руки; однако рывки и попытки бить ногами лишь изматывали Бориса, не давая надежды на освобождение от, вцепившихся в него, противников. Хорошо понимая, что может рассчитывать только на себя, он попытался собраться с силами. Того, что произошло дальше, он никак не мог ожидать: правая рука Бориса вдруг оказалась свободной, чем он тут же, не задумываясь, воспользовался, уложив противника слева мощным апперкотом и продолжив движение с разворотом в том же направлении. Ожидая встречи с третьим, Борис вдруг увидел, как кто-то уже обрабатывает его многочисленными ударами. Отойдя немного в сторону, Борис подобрал пистолет и спрятал его в карман.

– Извини: опоздал немного, – донеслось из темноты.

– А всё же не правы те, которые говорят, будто высокие удары ногами – на улице не эффективны!.. Привет, Лёха!.. Нет, – не понимаю, как я его достал...

– Привет, – ответил Алексей и нанёс завершающий удар по голове, стоящего на четвереньках, противника. – Видел я, видел: прямо как балерина ноги задираешь.

– Зачем так жестоко?

– Чем тяжелее черепно-мозговая травма, – тем более вероятна амнезия... Тебе это надо, – чтоб они тебя запомнили?!

– Ладно, пойдём отсюда... Ты кому-нибудь говорил, что я приеду?

– Только твоей матери.

– Ну вот!.. Сюрприза не получится... Я-то думал, – приду, спрошу с порога: «Ничего, что я пораньше?»

Что-то отвлекло внимание Бориса; он перестал говорить и осмотрелся.

– Не догонят, – попытался успокоить спутника Алексей. – Они теперь не скоро поднимутся.

Борис кивнул, взглянув на Алексея сверху вниз, и подумал: «Освободился – называется!.. Что бы это значило?.. А ведь похоже, что со мной – опасно».

– Лёха, ты извини, но давай как-нибудь в другой раз отметим моё освобождение... Созвонимся... Мне бы сейчас одному прогуляться.

– Ладно, – как скажешь, – согласился Алексей. – Пистолет-то выкинь лучше, чтоб не «вляпаться» с ним, или спрячь понадежнее.

– Заметил всё-таки.

– Что заметил?

– Пистолет.

– Какой пистолет?.. Ладно, созвонимся.

Алексей перешёл через дорогу и скрылся за углом.

Постояв несколько минут в ожидании преследователей и не дождавшись, Борис пошёл дальше, обдумывая план действий: «Если опасности не избежать, – надо самому её найти и уничтожить, – Борис вдруг вспомнил детский мультфильм про котёнка по имени Гав и улыбнулся. – Если неприятности ждут, – надо идти к ним». План действий появился как бы сам собой.

Более недели Борис старался быть на виду, много ходил по городу; убедившись же, что целенаправленные поиски неприятностей – результатов не дают, решил зайти в церковь.

Местный храм произвёл на Бориса удручающее впечатление; хотя он был и больше и богаче тюремного, однако казался Борису чужим, а пожилые прихожанки раздражали своими поучениями и придирками. Он с трудом отыскал относительно спокойное место, прикрыл глаза, попытался сосредоточиться и вспомнить отца Николая.

Август был дождливым и холодным. Борису нравилось смотреть сквозь струи дождя на, поросшие лесом, холмы, вид на которые открывался с колокольни в восточном направлении. В эти редкие минуты в его памяти всплывали другие такие же дожди, разбросанные по жизни, как верстовые столбы по старинной дороге. Борис всё чаще задумывался о своих предках, жалел, что так мало о них знает; жизнь казалась ему состоящей из одних лишь потерь, начавшихся ещё до его рождения с гибели отца.

– Что же ты не звонишь?.. Служба уже закончилась, – раздался за спиной Бориса голос священника.

– Извините... Я сейчас.

– Теперь уж я сам... Ты всё равно звонить не умеешь.

Наблюдая, как отец Николай управляет с колоколами, Борис невольно поймал себя на мысли, что не понимает этой, почти детской, увлечённости священника.

– Попробуй повторить, – предложил отец Николай.

Борис отрицательно покачал головой.

Так никогда и не научишься.

– Настрой не тот: не хватает чего-то, или, может быть, что-то мешает.

– Только сейчас?

– Всегда... Нет у меня вашего вдохновения.

– А ты старайся анализировать свою жизнь, свои поступки; исправляй самого себя постепенно, – тогда и вдохновение появится со временем... Разберись хотя бы для начала в отношениях со своим другом.

– Полагаете, что у меня есть друзья?

– Будешь к ним так относиться, – точно не будет... Почему от Петра стал шараться?.. Пока он болел, – ты ему помогал во всём; а как поправился, – ты замкнулся, будто обиделся или сердился на него.

– Легко вам говорить, – вы всего не знаете; а рассказать я кое что не могу.

– Полагаю, что я знаю больше, чем ты думаешь... Ты узнал, где он работает; это – тебя оттолкнуло... В милиции тоже приличные люди встречаются... иногда... Даже если он был бы в чём-то виноват перед тобой – и тогда можно было бы простить... Терять друзей – легко, а приобретать – трудно; поверь моему горькому опыту; не отворачивайся от друзей и сам их не отталкивай... Кстати, оттолкнуть человека иногда можно даже неосознанно: какой-нибудь глупой шуткой или грубостью. Я вот как-то, помню, прорубь освящал; полезли люди окунаться; гляжу: меценат наш, благотворитель вместе с начальником милиции – тоже собираются; «ляпнул» я в шутку: «Элиту общества – попрошу в последнюю очередь окунаться, чтоб мне воду заново не освящать». Людям – смех; а они – обиделись; да и мне это потом «аукнулось».

– Вы, как всегда, в самую точку попали... Я тут о предках своих задумался; оказывается, я очень мало о них знаю. Помню: в детстве какие-то фотографии видел; но потом – мать многие из них уничтожила зачем-то... Может, это наследственное у нас – все связи рвать?

– Искоренять это надо и замещать чем-то хорошим, правильным... Пойду я, – дела ещё есть... Ты тут подумай хорошенько о нашем разговоре.

Переждав дождь, Борис взялся за работу во дворе храма.
Вскоре пришёл Пётр и сразу же обратился к Борису:

– Меня тут недавно отец Николай повоспитывал немного... Похоже, что я в чём-то был неправ по отношению к тебе. Извини... Я, действительно, – человек грубый...

– Да брось ты, – перебил Борис, смутившись, – всё нормально.

– Похоже, что есть хорошие новости... Пообщался я с Топоровским; говорит, что есть существенные сдвиги в нашем расследовании.

– Что с того?.. Мне-то какое дело до этого?

– А такое, что, возможно, выяснится, – кто тебя заказал; похоже, связь «нащупывается» между здешними коррупционерами и какой-то группировкой из вашего Новошураленска. Кроме того, Петрович пытается добиться для тебя пересмотра дела или условно-досрочного освобождения за, оказанную тобой, помощь следствию.

– Помнится, слышал я уже от тебя об этом обещании... Да и какая там «помощь следствию»? Я и пальцем не пошевелил для вашего следствия...

– А я ему верю; имел уже возможность убедиться, что он – приличный человек.

– Он на вид – ещё не старый, а уже подполковник... На сколько я знаю, для продвижения по службе – надо через людей «перешагивать» и начальству «задницы лизать»... Разве не так?

– Возможно, что в большинстве случаев и так, но есть и другие варианты.

– Ладно, время покажет.

– На всякий случай имей в виду, что тебе и на воле надо быть осторожным. Всё предугадать невозможно... В конце концов, какая-то потенциальная опасность есть всегда. Тут недавно двоих освободившихся местная шпана так отделала, что они теперь в больнице, а не дома.

– Я слышал, что этим не шпана занимается, а коллеги твои.

– Вполне возможно... Я тебе запишу кое-какие номера телефонов на всякий случай... Не хочешь и мне оставить информацию для связи?

– Хорошо, оставляю... Что-то мы тренировки совсем забросили.

– Верно, – согласился Пётр. – Предлагаю возобновить.

– Пора опять от дождя прятаться.

– Пошли.

Поднявшись на колокольню, Пётр принялся искать свою тетрадь с планами тренировок; Борис же вновь устремил взгляд вдаль, мысленно возвращаясь к беседе с отцом Николаем.

Осенний день близился к концу. Борис быстро шёл по улице; теперь он считал, что потратил зря время и спешил домой.

Отыскав дома свой тюремный блокнот, он открыл страницу с, записанными Петром, номерами телефонов. «А это что за запись? – удивился Борис и вдруг вспомнил студентку Дашу. – Это же её электронный адрес».

Потратив ещё день на приведение в порядок компьютера, Борис отправил сообщение. Ответ пришёл на удивление быстро: «Привет. Куда пропал?! Ты зачем-то срочно нужен твоему попутчику, Дмитрию. Он пишет, будто случайно подсмотрел, когда я записывала тебе адрес...» Дочитав до конца, Борис ответил Даше, а затем послал короткое сообщение Дмитрию и взялся за другие дела. Мысли вертелись вокруг недавних событий. Борису хотелось посоветоваться с отцом Николаем и с Петром; он ненавидел себя за то, что, как ему казалось, он в очередной раз потерял тех, к кому успел привязаться, кого уважал и ценил, однако был не в состоянии заставить себя предпринять шаги для возобновления общения с ними. Эта собственная особенность раздражала Бориса; он ходил по комнате, отгоняя сон и заставляя себя думать. Память вдруг извлекла из его детства переписку с бабушкой, когда, по принуждению матери, реже – по собственному желанию, он с трудом писал несколько строк, а потом с нетерпением

ждал ответа. Борис решительно взял лист бумаги и начал писать: «Здравствуйте, отец Николай. Я доехал нормально. Встретили меня хорошо. Спасибо Вам за все ваши советы, за изменение моих взглядов на жизнь. Полагаю, что о моих злключениях на зоне Вам известно. Теперь я „на свободе“, но свободы не чувствую, – душа будто осталась в неволе; а ещё какой-то „хвост“ из неприятностей тянется за мной; боюсь стать причиной бед для близких мне людей, что называется – „подставить“ их. Очень не хочется терять Вас и Петра; Вам вот решился написать, а Петру – не могу: что-то мешает, да и слов нет...»

Борис проснулся поздно. На улице было уже светло, но в комнате горел свет. Размяв через боль затёкшие руки, Борис перечитал письмо и, отложив его, принялся массировать виски. Голова болела, по всему телу разливалась ломота и слабость. Две чашки кофе и скудный завтрак несколько улучшили его самочувствие. Заглянув в электронную почту, Борис обнаружил следующее сообщение: «Здравствуй, Борис. Рад, что ты нашёлся, а то я боялся, что навредил тебе. Виноват я перед тобой: пришлось из поезда позвонить кому-то, пока ты спал, сообщить, что ты едешь... Эти ублюдки моим близким угрожали... До последней минуты всё хотел тебе признаться, но так и не решился. Извини. Какой-либо конкретной информацией, к сожалению, не располагаю. На всякий случай будь осторожен. Всего тебе наилучшего. С уважением, Дмитрий».

Борис вспомнил странное поведение Дмитрия в дороге. «Теперь понятно, что он беспокоился за своих и чувствовал себя виноватым, – думал Борис. – А какая мне польза от этой информации?»

Решив, что надо переключиться, Борис взялся за телефон:

– Лёха, привет!

– Привет, – ответил Алексей. – Разобрался со своими делами?

– Нет, не могу разобраться, а значит: общаться со мной – может быть опасно.

Не боишься?

– Нет, не боюсь... Противно, знаешь ли, как-то подонков-то бояться.

– Ты на работе?

– Да.

– Когда освободишься?

– Практически, уже свободен: в бумагах копаюсь, если надо – могу уйти хоть сейчас.

– Может, я подойду к тебе, а там – «звякну» ещё разок?

– Ладно, давай, – договорились.

Борис быстро собрался и вышел. На душе было тревожно; сомнения терзали его до последнего момента. Даже уже достав «мобильник», он ещё долго озирался по сторонам, но телефон вдруг зазвонил.

– Да, – ответил Борис.

– Сейчас выхожу. Стой там, в «шарагу» – не заходи.

– Ладно.

Борис осмотрелся по сторонам и принялся неспеша прогуливаться около ворот. Вскоре появился Алексей; застёгивая на ходу куртку, он быстро приблизился.

– Пошли, – Алексей стремительно зашагал прочь от ворот.

– Куда ты так «летишь»?! – удивился Борис, едва поспевая за Алексеем.

– Хочу быстрее отойти от этого «гадюшника»... У тебя какие-то серьёзные проблемы? –

Алексей замедлил шаг и взглянул на Бориса.

– Похоже на то.

– Не удивительно. Зря ты тогда взялся окружающую действительность переделывать.

– Что же мне надо было спокойно смотреть, как мерзавцы народ губят?

– И куда ж тебе против государства-то?!

– При чём тут государство?

– Ну как «при чём»?.. Если власти не борются с этим злом – значит: они в этом, как минимум, не заинтересованы.

– Ну как «не борются»?.. Они борются, правда, хреново, но борются.

– Делают вид, что борются. Хотели бы они что-то реально сделать – сделали бы; а не делают, я думаю, по двум причинам: во первых – сами с этого что-то получают, во вторых – выполняют заказ мирового «закулисия» по геноциду русского народа.

– Извини, Лёха, но это – бред какой-то... Что же они могли бы, по-твоему, сделать, если бы захотели?

– Для государства – это не составило бы особого труда, да и средств понадобилось бы значительно меньше, чем на нынешнюю профанацию. Надо всего лишь ликвидировать рынок сбыта, а для этого – надо выдавать наркоманам их отраву бесплатно, так же, как выдают наркотики онкологическим больным; тогда – наркомафия частично «загнётся», частично – «свалит» из страны.

– Ну а наркоманы – значит: пускайдохнут?.. Ну да, я-то, пожалуй, согласен, но...

– Да почему «пускайдохнут»? Они идохнуть-то меньше будут, если будут получать дозу в специальном учреждении в одноразовом шприце, под контролем медиков и ментов. Их можно было бы всех поставить на учёт, всем предложить лечение, работу, учёбу, досуг – нормальный, а не скотский. Самое же главное, что они перестали бы вовлекать в свой круг других таких же «дебилов», не совершали бы преступления против нормальных людей ради очередной дозы. Для тех же, кто будет продолжать обращаться с наркотиками как с товаром – нужна смертная казнь.

– Фантазии – всё это... К тому же, Лёха, я очень сомневаюсь, что с тобой согласились бы ребята из организации «Город без наркотиков». Они на ситуацию смотрят более практично и хоть что-то реальное делают.

– Почему же, интересно, власти-то им постоянно «палки в колёса вставляют»?!. А то, что «фантазии» – верно, согласен, – не будет этого никогда к сожалению; причины я уже назвал... Пустой у нас разговор получается... Я, однако, надеюсь, что ты свою ошибку не повторишь.

– Я тоже надеюсь... Ладно, – хватит об этом... Хочется мне кое о чём тебе рассказать... За один раз, правда, не получится... В общем, встретил я одного человека на зоне – священника. Похоже, что он мои взгляды на жизнь несколько изменил... Вот нас на атеизме воспитывали, а православие – пытались приподнести, как какую-то глупую сказку. Не потому ли мы к дальневосточным учениям потянулись, отвернувшись от того, что, вроде бы, всегда было где-то рядом?.. Почитал я православные книги, – совсем не сказка; правда, многое – непонятно.

– А я вот – только собираюсь почитать. Единственный файл на эту тему «валяется» в компьютере уже несколько месяцев... А куда это мы идём?

– Ко мне.

– Нет, Боря, – давай-ка лучше – ко мне. Мне надо бы дома быть.

– Ладно, – как скажешь; правда, я для этого случая на днях закуску приобрёл и то, чем её запить...

– «Чем запить» – у меня есть, а за закуской давай-ка в магазин зайдём.

Подходя к магазину, Алексей старательно обходил многочисленных пьяниц и часто оглядывался на Бориса. Когда один из пьянчуг направился с протянутой рукой к Борису, Алексей пропустил Бориса вперёд и рывком закрыл дверь магазина перед самым носом забулдыги.

Корзину Алексей наполнял быстро, то и дело советуясь с Борисом.

– Хватит, наверное, – предположил Борис.

– Ладно, пойдём... Нет, – стой...

– Что ещё?

– Кошке бананы чуть не забыл.

– Вообще-то, кошки не едят бананы, – уверенно сказал Борис.

– Моя – ест...

Из магазина Борис вышел первым и сразу увидел, попрошайничающих пьяниц; он обернулся, ожидая Алексея, но тут же услышал совсем рядом:

– Мужик, «трубы горят»...

– Тфу-ты!.. Ничего не меняется!..

– Что говоришь? – поинтересовался Алексей, подходя к Борису.

– Да говорю, – не меняется ничего: как собирались скоты около магазинов – так и собираются!

– Ты *чѐ*, мужик?! – услышавший слова Бориса, пьяница, скорчив гримасу, пошёл в атаку.

Борис, недовольно покачивая головой, отстранился; однако нападающий, вновь приблизившись и широко размахнувшись, попытался ударить. Борис легко уклонился, уйдя нырком под руку, и тут же машинально провёл резкий удар ногой по нижнему уровню, затем взмахнул ногой повыше и, получивший подзатыльник подошвой, пьянчуга нырнул в куст. Двое других поспешили на помощь собутыльнику. Не стремясь к разнообразию, Борис такими же ударами уложил второго; тем временем Алексей подбил ногу третьему и, убедившись в достаточной жёсткости его приземления, ответил Борису:

– Почему бы им не собираться? Менты их не трогают... Как-то один ментовский начальник в звании подполковника поразглагольствовал по местному телевидению в ответ на возмущения граждан, ерунды какой-то наговорил...

– Это не тот, который над участковыми главный?

– Да, да, у него ещё фамилия какая-то «почтовая».

– Это же совсем недавно было... Слышал я.

– Карьерой они своей занимаются и деньги добывают... Не до этих им.

– Да, – согласился Борис и тяжело вздохнул. – Не нравится мне всё это.

– Плюнь ты на них... Давно пора научиться всю эту мерзость игнорировать.

– Я не о том... Сам я как-то неправильно себя веду.

– Ах вот в чём дело!.. Надо было «подставить другую щёку»? – сиронизировал Алексей.

– Надо было не провоцировать ублюдков.

– Вот и я о том же.

Немного помолчав и решив сменить тему, Борис спросил:

– Из нашего клуба никого не встречал?

– «Накрылся» ваш «Годзю-кан»... Не в курсе ещё?.. Многим ваша глупость дорого обошлась: кого-то, слышал, так же как тебя забрали, но позже; двоих, вроде, схоронили; в «травме», помнится, кого-то из ваших видел; а руководитель ваш, говорят, уехал из города, считай – сбежал... Да, в помещении вашем теперь ночной клуб, – вот уж где барыгам-то раздолье!..

Видя, как помрачнел Борис, Алексей уже сожалел о сказанном, придумать же, как отвлечь его от мрачных мыслей, не мог. Оказавшись около своего подъезда, Алексей открыл дверь и пропустил Бориса вперёд. Уже в подъезде Борис остановился, а потом вновь пошёл вслед за Алексеем.

Аккуратно ступая между плевков, окурков, бутылок и другого мусора, Алексей протиснулся среди сидевших на ступеньках, подростков. Борис старался идти как по минному полю – след в след; однако, услышав за спиной мат и оскорбления, повернулся и, увидев омерзительные ухмылки четверых парней, не выдержал:

– Вон пошли отсюда!

Подростки отозвались смешками и новым потоком оскорблений.

– Да оставь ты их, – Алексей вернулся и попытался удержать Бориса.

Не обращая внимания на Алексея, Борис схватил двух подростков за воротники и, приподняв от ступенек, с силой столкнул лбами; затем швырнул их на двух других, стоявших

ниже, и пинками погнал всех четверых к выходу. Очень быстро вернувшись, он вытер подошвы о чью-то, оставленную на ступеньках, куртку и продолжил подъём по лестнице.

Понимая, что говорить что-либо бессмысленно, Алексей молча достал ключи, открыл дверь квартиры и впустил Бориса.

– Ну извини, – Борис развёл руками.

– Что-то тебе надо делать с собой: к тренировкам вернись, медитацией больше занимайся...

– Куда же я теперь вернусь? – пробормотал Борис, снимая куртку. – Сам же говоришь, что клуба больше нет.

– Есть и другие места... А пойдём-ка завтра к нам в «Кимэ» или, лучше, к Тимохе... У Тимофея, практически, свой додзё, правда, как бы разбитый на части: часть – в избе, часть – во дворе, часть – в сарае.

– Ну уж нет. Моя встреча с Тимохой может очень плохо закончиться. Я предпочитаю его более никогда не видеть.

– Зря ты так.

– Зря?! По его «милости» я на зоне оказался.

– А, может, «по его милости» ты жив остался?.. Не думал об этом? – Алексей выразительно посмотрел на Бориса и принялся выкладывать покупки. – К тому же, пока тебя тут не было, беда с ним случилась...

– Что ещё за беда?

– Съездил он от «ментовки» в Чечню; вернулся быстро: ранен был тяжело, память частично потерял. Теперь он на второй группе инвалидности.

– Я этого не знал, – Борис задумчиво нахмурился и прислонился к стене. Впервые он почувствовал жалость к своему давнему врагу.

– Я уже пытался выяснить, помнит ли он о тебе, – продолжил Алексей.

– И что?

– Не помнит.

Раздался звонок.

– Ждёшь кого-то?

– Ну да; я же говорил, что должен быть дома, – напомнил Алексей, направляясь к двери. Пока Алексей открывал, подошёл и Борис.

В квартиру, совершенно бесшумно ступая, вошла стройная черноволосая девушка чуть ниже среднего роста.

– Знакомься: это – Борис.

Девушка тихо поздоровалась; Борис – тоже.

– А это – та самая Кошка.

Девушка резко повернулась к Алексею и, оскалив зубы, издала короткий шипящий звук. Алексей отшатнулся, изобразив испуг, и, закрыв дверь, добавил:

– Вообще-то она – Катя, но... Кошка.

Катя тем временем уже сняла куртку и искала что-то в своей сумке.

Алексей продолжил собирать на стол, усадив попутно, мешавшегося на пути, Бориса.

– Похоже, Кате не нравится, как ты с ней обращаешься, – предположил Борис.

– Не думаю... Кошкой она вполне согласна называться... Всё в ней кошачье: и повадки, и фамилия...

– Кошкина что ли?

– Верно, – Кошкина... И имя у неё кошачье, и отчество... Так ведь, Екатерина Васильевна?

Катя, бесшумно проскользнув мимо Алексея, мимоходом ухватила со стола банан и оказалась на чёрном кожаном стуле около компьютера. Отвечать она явно не собиралась.

– Имя-то почему «кошачье»? – не понял Борис.

– Потому, что «*Катёнок*», – пояснил Алексей. – Кстати, я как-то по глупости своей решил Тимке память восстанавливать, как Чак Норрис в сериале про рэйджеров... Зря я это сделал...

– Поединок что ли с ним устроил?

– Ну да... на свою голову... Не знал – куда деваться от него... А вот Катя – с этой задачей справилась великолепно, как, впрочем, справляется со всем, за что берётся. Кстати, заметил, как мастерски она банан вскрыла? Ну, прямо, как будто воспитывалась на той же ветке, на которой эти бананы росли.

Катя как раз доела банан и, по достоинству оценив шутку Алексея, запустила в него кожурой.

Поймав и выкинув кожуру, Алексей продолжил рассказ:

– Она помогла Тимофею вспомнить его тренерскую работу; даже смогла развеселить его своей боевой стойкой – как у кота из мультфильма про Шрэка; хотя, в основном – использовала Тимоху в качестве «живой макивары»: довольно долго его колотила... Не представляю себе, как он это выдержал... Удары у Кати достаточно хорошо поставлены; а кисти и стопы у неё маленькие, прямо как у потомственной аристократки. Сильные удары малой площадью довольно болезненны.

Катя тем временем уже обложила учебниками и тетрадями, включила компьютер и, перехватив взгляд Алексея, указала ему на чайник. Алексей кивнул в ответ, а потом спросил:

– Может, ещё что-нибудь кроме чая?.. Есть вино и сок.

– Что отмечаем?

– Да вот... Борис уезжал надолго, а теперь вернулся.

– Ладно, наливай; только мне надо бы ещё и учёбой немного заняться... А музыку какую-нибудь включить? – Катя собралась-было найти музыку в компьютере.

– Да ну её... Не надо... К тому же, гитара имеется.

Борис тут же снял гитару со стены и начал перебирать струны. Узнав мелодию, Катя сначала закачалась в такт, а затем пропела:

«Человек и кошка дни с трудом считают...»

– Вы есть-то собираетесь? – перебил Алексей. – Кстати, и чайник уже вскипел.

Катя подставила чашку и вновь повернулась к компьютеру.

– А мне, пожалуйста, ещё вон оттуда, – Борис указал на бутылку.

Налив чай и вино, а потом выпив вместе с Борисом, Алексей достал откуда-то статуэтку кошки и жестом предложил Борису сравнить её с Катей. Борис слегка улыбнулся и кивнул.

- Похожи, похожи, – прокомментировала Катя, не поворачиваясь.
- Ты же не оглядывалась! – удивился Алексей.
- Да, но я знаю, где стоит статуэтка.
- Внимательная: всё видит, всё помнит... Эту статуэтку она мне и принесла... В компьютере – тоже полно кошек и в телефоне... да, и Багира ещё.
- Из «Маугли»?
- Нет, из «Морских дьяволов».
- Волч, хватит о кошках, – попросила Катя, – не отвлекай меня... Сосредоточиться не могу.

Алексей убрал статуэтку, налил ещё вина и, когда Борис потянулся за рюмкой, стащил у него гитару со словами:

- Ну вот, прозевал, – буду теперь тебе «нервы выматывать».

Алексей отпил из рюмки и попытался что-то сыграть, однако вскоре остановился и задумался, потом взглянул на Бориса и уже уверенно заиграл вновь и запел:

«Хозяин», Небо зовёт домой;
А ты – опять со своей тюрьмой...
Тюрьма и Воля – всегда со мной, начальник!
На Небесах нет приюта псам...
Кому ты служишь? Подумай сам...
Твои законы – писал не Бог, а чёрт-е кто.
Гляди, начальник: журавли
Летят без спроса на край Земли,
Летят от этой больной страны...
И знаешь что?!
Ты – очень серьёзный...
А я, босота, своё «тяну»...

Да ты остынь, не гони «волну»...
Только в спокойной воде отражаются звёзды.
Со мной – понятно: я ветром сыт,
Луны и неба – приёмный сын;
А ты – заехал, скажи – зачем,
В такую глушь?..
«Браслеты»: «Щёлк!», да засовы: «Клац!»...
И смотрит в небо пустынный плац,
И плачут камни бетонных плит глазами луж...
А в небе: вольные журавли
Летят без спроса на край Земли,
Летят от этой больной страны
В край, где круглый год
Солнце сушит слёзы,
Где все довольны своей судьбой,
Где нет «запреток» и нас с тобой,
В край, где в спокойной воде отражаются звёзды...
А в небе: вольные журавли
Летят без спроса на край Земли,
Летят от этой больной страны
В край, где я раньше был
Или, быть может, не был,
Где все довольны своей судьбой,
Где нет «запреток» и нас с тобой,
В край, где в спокойной воде отражается Небо...
А в небе: вольные журавли
Летят без спроса на край Земли,
Летят от этой больной страны
В край, где я раньше был
Или ещё я не был...
На белом свете – хватает мест;
Пусть давит плечи тяжёлый крест...
Только в спокойной воде отражается Небо!
Только в спокойной воде отражается Небо.

– Всю песню исковеркал, – прокомментировал Борис. – У Вячеслава Бобкова она совсем по-другому звучит.

– Под себя не могу не переделать; хотя, Вячеслав Бобков для меня, пожалуй, – на втором месте после Высоцкого.

– Для меня – тоже... Спасибо, Лёха... Песня-то – со смыслом.

Алексей поставил гитару и, долив в рюмки вина, сказал:

– Ну, за свободу, за свободу в самом правильном понимании этого слова.

Катя резко повернулась и подставила свою рюмку.

– Тоже свободолюбивая, как и большинство кошек; не может такой тост пропустить.

– Что ты к ней всё цепляешься?.. Как она тебя терпит?

– Сам удивляюсь... Вообще-то, сердится иногда. Как-то сообщение ей послал на телефон: «Кис-кис-кис!» Она пришла на зов, но с порога на меня с кулаками накинулась; да и потом ещё долго шипела и в прямом, и в переносном смысле.

– Вот я тебе завтра на тренировке-то припомню, припомню, – проговорила неспеша Катя, отыскивая одновременно что-то на мониторе.

– А мы, я так понял, в клуб ведь завтра? – Алексей вопросительно посмотрел на Бориса.

– Да хотелось бы.

– В «Кимэ»?.. Фу! – фыркнула Катя. – Не нравится мне там. Вы как хотите, а я – к Тимохе; у него реально с пользой можно позаниматься.

– У неё там, просто, три подруги есть, – сообщил Алексей, махнув рукой в сторону Кати.

– Ладно, ладно, – Катя едва заметно улыбнулась, выключила компьютер и начала собирать свои вещи. – Ухожу я от вас.

Проводив к выходу Катю, Алексей вернулся, достал с полки несколько фотографий и протянул их Борису.

– Узнаёшь?.. В «травме» лежат.

– Те ублюдки с вокзала?

– Они, – подтвердил Алексей. – Снял тайком на телефон, когда со студентами в стационар ходил... Возьми-ка себе эти снимки на всякий случай.

– Да, да... Однако, ими ведь кто-то руководит.

– А кто у нас городом командует?

– Злобин Леонид Олегович... Кто же этого не знает?.. При чём тут он?

– Брось!.. Мэр Новошураленска – «марионетка». Его хоть в народе и называют: «господин Зло», но самое большое зло исходит не от него...

– Помню я, как его проклинали, когда он, едва «избравшись», укатил в Германию на лечение за казённый счёт...

– Оставь ты это... Скажи лучше: знаешь, кто такой Диамат?

– Не «кто», а что: предмет такой изучают в некоторых учебных заведениях.

– Ну да, изучали когда-то такую лженауку, но речь не об этом. Есть такой вор в законе и депутат городской думы – Аматы Дмитрий Иосифович, он же – Диамат... Тимоха перед отъездом в Чечню рассказывал, что «нарко-ниточки» к нему тянулись, но вы их пообрывали...

– Ну что ты будешь делать?! И тут мы виноваты...

– Подожди, это – ещё не всё... Было у ментов предположение о наличии промежуточного звена между Аматыным и всей сетью; это – некий Миронкин Игорь Васильевич, – предприниматель, бывший мент; по сути – бандит; кликуха – Мирон... Тимоха считал, что информация от ментов поступала к ним через какого-то майора Шестобитова по кликухе Шест.

– С чего это вдруг Тимоха тебе всё это рассказал?

– Я это из него несколько дней вытягивал, когда узнал, что тебя забрали; даже записал всё чтоб не забыть. Однако, теперь я говорю тебе всё это не для того, чтоб ты опять куда-нибудь «вляпался», а чтоб знал, кого остерегаться. Они хоть и мерзавцы, но не дураки, раз всё ещё не попались; будешь сидеть тихо – не тронут... наверное.

– Ладно, постараюсь «сидеть тихо»... Ну что, значит, завтра – на тренировку?

– Давай, попробуем сходить. Если понравится – будешь тренироваться.

– Ладно, – договорились... Пойду я, пожалуй.

Попрощавшись с Алексеем, Борис спустился по лестнице. У подъезда кого-то заносили в машину скорой медицинской помощи. Две пожилые женщины о чём-то переговаривались, наблюдая за происходящим. Борис осторожно подошёл и прислушался к разговору, однако ничего не поняв, спросил:

– Что случилось-то?

– Шпана дерётся... Чуть не каждый вечер кого-нибудь увозят, – ответила одна из женщин.

– Да девка их «уделала», говорю я тебе! – не согласилась вторая.

– Избила что ли? – Борис изобразил удивление. – А где же милиция?

– А оно им надо?! В больницу, наверное, придут, если вообще придут; «бумажки» свои напишут – и всё.

Борис покачал головой и отошёл в сторону. В кармане зазвонил «мобильник».

– Я что-нибудь забыл? – спросил Борис.

– Нет, нет... В окно видел, что «скорая» отъехала от подъезда, а тебя – не видел... С тобой всё в порядке?

– Да, – Борис отошёл от здания и помахал Алексею рукой. – Тут парней каких-то увезли. Я вот думаю: а не Катя ли их... Ментов, кстати, не было.

Ещё раз попрощавшись с Алексеем, Борис убрал в карман телефон и неспеша зашагал по тёмной улице.

В приёмной мэра чувствовалось напряжение. Малочисленные посетители с опаской поглядывали на двух крепких мужчин, стоявших у входа в кабинет, из которого то и дело доносились крики. Прибежавший откуда-то, взъерошенный милицейский майор, заискивающе глядя на охранников, что-то объяснил им и, съёжившись, нырнул в кабинет. Новый взрыв крика донёсся из-за закрывшейся двери. Ожидавшие своей очереди переглянулись: кто-то – со страхом, кто-то – со злорадством.

С армии привыкший к холуйству, майор, виновато сжавшись, стоял у самой двери и с опаской поглядывал то на мэра, мрачно сидящего за своим столом, то на лысеющего здоровяка в дорогом блестящем костюме. Здоровяк прохаживался из стороны в сторону, засунув руки в карманы брюк, и с трудом сдерживал ярость; бросив брезгливый взгляд в сторону двери, он направился к майору и, двигая по-гусиному головой, процедил:

– Тебя сколько можно ждать, майор?.. Погоны надоели?

– Дмитрий Иосифович, извините, – начал-было майор, сжавшись ещё больше.

– Молчи, – здоровяк махнул рукой и направился обратно к столу; глядя мимо мэра, он грузно навис над столом. – Игорь Васильевич, повтори для этого ещё раз суть дела, только покороче.

– Давай, Миронкин, давай, – поторопил мэра.

Миронкин поднялся и хотел подойти к майору, но вдруг передумал:

– Да что ты там застрял?! Проходи, садись.

Майор направился к столу, выдвинул для себя стул и робко сел.

– «Ствол» у нас пропал, – продолжил Миронкин, понизив голос.

– Да подожди ты с этой ерундой! – перебил мэра и взглянул на Аматова, ища одобрения.

– Да, – согласился Амамов, – со «стволом» потом между собой разберётесь, – отодвинув стул, он сел и исподлобья уставился на майора. – Слушай, Шестобитов: помоги ты Мирону... Его ребята «обделались» в очередной раз; а нам сейчас нельзя рисковать.

– Дело-то в чём?

– Лапшин с зоны вернулся... Помнишь его?

– Его забудешь!.. Но ему же ещё сидеть и сидеть!

– Он вообще не должен был вернуться... Кто-то вмешался в наши планы и, похоже, этот кто-то – из ваших, – Амамов ткнул пальцем в майора.

– Извините, но я не в курсе...

– Похоже, ты последнее время в курсе только тогда, когда речь о твоей новой даче заходит!.. До сих пор толком объяснить не можешь, почему у тебя Анцигин живым из Чечни вернулся!.. А тот придурок?.. Как там его?.. Чернилов, – кажется...

– Да я...

– Да молчи!.. Это я так – к слову... Сейчас мы должны разобраться: на сколько для нас опасен этот Лапшин и, если надо, нейтрализовать его.

– Он, вроде, уже научен, – вмешался мэр.

– Ой, хреново такие как он «учатся»! – Амаатов покачал головой.

– Можно, я всё-таки скажу? – вновь начал Шестобитов.

– Ну, – отозвался Амаатов.

– Предлагаю в комплексе проблемы рассматривать... «Ствол» «посеяли», когда Лапшина встречали?

– Ну, допустим, – буркнул Миронкин.

– Леонид Олегович, с ветхим жильём в частном секторе из-за кого вопрос «завис»?

– Из-за кого?.. Упёрлись старики...

– Что бы смогли эти старики?.. Кто их возглавил?

А сейчас я вам скажу, – мэр достал из стола папку, открыл её и быстро просмотрел бумаги. – Вот, пожалуйста: Анцигин Тимофей Сергеевич, – кстати, ваш сотрудник, Виталий Владимирович.

– Бывший наш сотрудник... А кто брал этого вашего Лапшина в прошлом году?

– Не тяни!.. Кто?

– Анцигин и брал... И как они должны относиться друг к другу?

– Мирон! – Амаатов выразительно взглянул исподлобья. – Организуй-ка им встречу с помощью своих бандитов. Да, если Лапшин не выкинул «ствол», хорошо бы, чтоб он был при нём.

– Легко сказать.

– А ты постарайся, обдумай всё хорошенько. Если удастся сразу две проблемы решить, мы в долгу не останемся. Верно, Леонид Олегович?

– Разумеется, – мэр кивнул. – Освободим территорию, – пойдут финансы; а там – всё по обычной схеме.

– Подстраховаться бы как-то, – замаялся Миронкин.

– Вот и обдумайте всесторонне, обсудите с майором совместный план действий с запасными вариантами... Всё! – Амаатов встал и пододвинул стул к столу, давая понять присутствующим, что считает разговор оконченным, а решение – принятым.

– Почтарёва бы подключить, – предложил майор, вставая.

– Подключай.

– Дмитрий Иосифович, он всё-таки подполковник; я ему приказывать не могу; его заинтересовать чем-то надо.

– Леонид Олегович?.. – Амаатов вопросительно посмотрел на мэра.

– Хорошо, хорошо: Василий Вадимович будет в курсе.

– Он должен быть не просто в курсе, он должен быть заинтересован.

– Хорошо: будет заинтересован.

Уже давно Борис не чувствовал такого воодушевления. Он давно хотел вернуться к тренировкам, а значит: и к прежнему образу жизни. Вновь зайдя к Алексею, Борис сразу же поинтересовался:

– Не спрашивал у Кати, что там случилось вчера?

– Всё нормально. Говорит, что прицепились двое ублюдков, но потом один из них почему-то упал, ударившись головой о скамейку, а второй – сильно поранился своей же бутылкой из-под пива.

– Рад, что у неё всё в порядке.

– Я готов. Пошли!

По пути Борис вновь попытался рассказать Алексею об отце Николае, но, обнаружив, что не может подобрать нужные слова, умолк.

– С работой-то как у тебя?

– Вернусь на завод. Уже договорился.

– Да, на всякий случай запомни, что на тренировках лучше не попадать в пару со Стасом Брусятиным.

– Что, такой «крутой»?

– Нет; просто, всю тренировку испортит. От него все шарахаются; вот он и «липнет» в основном к новичкам, которые его ещё не знают... Я тебе его покажу.

– Ладно. А ты не преувеличиваешь?

– Вовсе нет. Он мне уже столько тренировок испоганил за те годы, что я его знаю, что я стараюсь с ним совсем не общаться.

– Тренер-то меня примет?

– Примет... Я с ним уже договорился... Вот мы уже и пришли.

Пока Борис осматривался, Алексей позвал тренера и представил ему Бориса.

– Пошли переодеваться, – позвал Алексей и пошёл вперёд, здороваясь попутно с окружающими.

Когда, зайдя в раздевалку, Борис уже собирался сесть, ещё не выпустив из руки сумку, Алексей вдруг схватил его за руку и перетянул на другую скамейку – напротив. Место тут же занял какой-то парень.

– Не спеши переодеваться, понаблюдай. Тот, с кем рядом ты собирался сесть, – это как раз и есть Стасик – своего рода «талисман» клуба.

– С ним рядом и сидеть нельзя? – прошептал Борис, усмехнувшись, и начал расстёгивать сумку.

– Подожди, подожди, понаблюдай.

– Зачем?

– Ну четверть минуты-то потерпи!.. Гляди.

В этот момент Стас освободился от обуви и начал снимать носок. Ухватившись за него в области пальцев, он резко потянул, в результате чего носок, описав дугу, прилетел прямоком в лицо соседу. Парень разразился потоком ругани; Стас же широко улыбнулся, повернувшись к парню лицом, издал звук, похожий на крик осла, затем засунул носок в ботинок и взялся за второй. Сосед с другой стороны оказался столь же неосторожен и ситуация повторилась почти с зеркальной точностью.

– Он что, больной? – спросил Борис полусшёпотом.

– Похоже, что больной, при чём – на всю голову, – ответил Алексей в полный голос.

– Тише.

– Зачем тише? У него всё равно с восприятием что-то не в порядке, но это – во-вторых, а во-первых – мне наплевать, что он может услышать.

– А зачем же он сюда ходит?

– Видимо, для того, чтоб паразитировать на других... Да, да, – вот тебе пример энергетического вампиризма... Держись от него подальше.

Первая тренировка не оправдала ожиданий Бориса, однако он решил продолжить. Вскоре Алексей предложил делать пробежки по пути на тренировки и обратно; Бориса это вполне устраивало. Около двух недель он пытался втянуться в тренировки, но однажды, выходя

из клуба, предложил пробежку отменить. Испытывая желание высказаться, Борис, однако же, начал с вопроса:

- Ваш тренер вообще чему-нибудь учит?
- Иногда учит; хотя, в основном – надо на себя надеяться, самому над собой работать.
- Значит: тренер только место для занятий предоставляет и деньги собирает?
- Если тут не нравится, пойдём к Тимохе... Других мест я не знаю.
- Нет, – резкость тона Бориса подчёркивала его уверенность.
- Значит: приспособляйся тренироваться в этом клубе.
- Что-то не получается приспособиться; да ещё с этим «дебилом» Стасиком часто попадаю; а с ним что-либо отработать невозможно: ноет постоянно, страховаться – не хочет, падать – ленится, из зала то и дело выходит, когда ему вздумается, какие-то идиотские анекдоты периодически рассказывает, постоянно стремится тренировку в бессмысленную болтовню превратить.

– Ты ещё не видел, как но себя ведёт, когда злится на кого-то: может специально травму партнёру причинить... Как-то партнёра так подставил, что их обоих с тренировки выгнали, хотя надо было – только Стаса. Он даже тренера раза два или три травмировал... Много ещё можно сказать, но смысла в этом не вижу... А я ведь заранее тебя предупреждал: отказывайся с ним тренироваться, вообще общаться отказывайся.

- Почему-то «липнет» именно ко мне.
- Ты – новенький; он чувствует, что тебя ещё не успел «задолбать» на столько, чтоб ты от него шарахался, как остальные.
- Советуешь начать «шарахаться»?
- Я тебе сразу сказал.
- Неудобно как-то большого обижать.
- Да брось ты!.. Болезнь или её последствия – веское основание для того, чтобы человек работал над собой больше и старательнее остальных; а для него – это «ширма», за которой он прячет свою лень и свой эгоизм. К тому же, почему ты-то должен жертвовать своими интересами? Он ведь, по сути, обворовывает и себя и других: сам не тренируется и других лишает возможности тренироваться, да ещё и нервы основательно «выматывает»; ну и, в конце-то концов, тренировки – не бесплатные; люди платят деньги чтобы для себя что-то получать, а не этого... ублажать. Короче, давай-ка ты на всех последующих тренировках – будешь со мной в паре.

– Может не получится: тренер «рассуёт» всех, как захочет; к тому же, у нас и весовые категории – разные.

- А мы всё же попробуем.

На следующей тренировке Алексей сразу встал в пару с Борисом, однако, как и предполагал Борис, тренер пересортировал пары уже на первых минутах. Оказавшись вновь перед Стасом, Борис категорически отказался выслушивать очередной, предложенный им, анекдот и постарался сосредоточиться на тренировке, не обращая внимания на особенности партнёра. Стаса на долго не хватило; заявив, что ему надо выйти, он направился в коридор.

Алексей подбежал почти сразу.

– Нам надо связку втрём отработать. Пошли! – позвал он.

Предложенная Алексеем, комбинация приёмов предполагала ощутимую жёсткость и нагрузку. Видя упадочное настроение Бориса, Алексей то и дело подгонял его и предлагал прорабатывать элементы, требующие активного участия всех троих.

Вскоре вернулся Стас; он немного помялся, походил кругами, потом позвал Бориса; Алексей, однако же, не позволяя Борису обернуться, активно вовлекал в работу обоих партнёров.

Убедившись, что остался один, Стас пошёл жаловаться тренеру, потом вернулся, долго пытался что-то сказать, но, убедившись, что его не слушают, вновь отправился к тренеру. Желая отделаться от навязчивого ябеда, тренер подошёл и потребовал от Бориса вернуться к партнёру. Алексей попытался возразить, но Борис жестом остановил его и направился к Стасу со словами:

– Ну держись!.. Не люблю я, когда мне тренировку портят.

После нескольких жёстких падений Стас выругался матом и вновь пошёл жаловаться.

Вернувшись к Алексею, Борис лишь пожал плечами в ответ на его вопросительный взгляд и сразу же спросил сам:

– Выгонят?

– Возможно... Этот сейчас распишет с искажениями и преувеличениями.

Когда после тренировки Борис и Алексей уже направились к выходу, тренер подозвал Бориса.

– Я догоню, – сказал Борис, жестом остановив Алексея, и отошёл.

Немного понаблюдав за ходом разговора, Алексей медленно вышел. Бориса ждать долго не пришлось; появившись не более чем через минуту, он глубоко вдохнул и, посмотрев вверх, заметил:

– Звёзды-то сегодня!.. Интересно: если к нам инопланетяне прилетят, – что будет?

– Походят, посмотрят, да и полетят обратно докладывать своему начальству, что на этой планете жизни нет.

– Я послезавтра на работу выхожу.

– Обратно на завод?

– Да... Кстати, слышал раньше, что там есть какой-то зал; ребята, вроде, занимаются...

А ты здесь будешь продолжать тренироваться?

– Не знаю... До твоего возвращения я занимался раз пять в месяц тут и раз семь-восемь – у Тимохи.

– Может, посидим завтра у меня или у тебя?

– Тогда – у меня. Причину знаешь.

– Договорились.

Созвонившись с Алексеем, Борис взял, собранный заранее, пакет и вышел из дома. Он шёл неспеша, помахивая пакетом и засунув другую руку в карман куртки. Взгляд скользил по исписанным и изрисованным стенам домов, что усугубляло, и без того унылое, настроение Бориса. Спокойно переждав, когда пройдёт стая бродячих собак, Борис вошёл в подъезд, осмотрелся и направился вверх по лестнице.

– Странно: в подъезде сегодня чисто, – высказал Борис своё удивление, уже открывшему дверь, Алексею.

– Сам же в прошлый раз «подчистил», да и Катя – двоих ублюдков отвадила... Надолго ли?!.. Делали бы то же самое менты, – было бы во всех подъездах чисто.

– И в городе, – добавил Борис, подавая Алексею пакет. – Выставляй на стол.

В пакете оказались консервы, бутылка водки и бананы.

Увидев, что Катя сидит за компьютером, Борис поздоровался.

– Привет, – отозвалась Катя, не оборачиваясь.

– Всегда тут уроки делаешь?

– Не всегда, но часто. Дома – плохо: всегда кто-то мешает, кошки по клавиатуре ходят и по мне *лазиют*.

– Лазят, – поправил Алексей.

– Что?.. А, ну я и говорю: по мне *лазиют*.

Борис усмехнулся.

– За то, она умеет пользоваться компьютером; меня – тоже обучила... А давай-ка, Боря, я твою водку «конфискую»; буду из неё настойки делать; а пить будем – сухое красное вино.

– Не возражаю. Наливай.

Катя повернулась и, увидев бананы, ткнула в них пальцем и спросила:

– Можно?

Борис кивнул и пододвинул бананы поближе к Кате.

– Со шпаной легко справилась в прошлый раз?

– Да... и не только в прошлый.

– Поделись секретом: как это можно – одной двоих уложить?

– Они меня на лестнице встретили... Первый – был с пивом... Я ему бутылку перевернула, – рычаг-то хороший, – пиво на него и вылилось... Пока этот урод отвлёкся, я ему болевой на кисть сделала, бутылку отобрала и об его башку разбила, потом – толкнула его на второго; а перед вторым – осколком горлышка помахала, из подъезда его выгнала; с крыльца он оступился; а я слегка подопнула для надёжности; вот он на скамейку башкой и приземлился... Я неприятностей ждать не стала: осколок в кусты закинула и ушла.

– Хорошо, что не испугалась, – одобрил Борис.

– Хорошо, что ментов никто не вызвал, – добавил Алексей.

– Пугаться этих скотов – как-то унизительно; а менты если бы даже и приехали, – я бы не создалась, что это я их уделала.

– А ты где тренируешься? – спросил Борис, сделав вид, будто забыл, что уже слышал ответ на этот вопрос, и надеясь узнать что-то новое для себя.

– Иногда – в клубе «Кимэ», но очень редко; а в основном – у Тимофея Сергеевича.

– У Анцигина?

– Да.

– Разве у него есть свой зал?

– Нет, но у него же частный дом; там человек шесть вполне может тренироваться очень даже хорошо... нормальных, естественно, желающих работать над собой, не таких, как Стасик Брусятин из клуба «Кимэ»... Я в этот клуб, в основном, потому и не люблю ходить... Этого ненормального если бросают, – он летит совершенно бесконтрольно, как какая-нибудь тумбочка, которую катанули с силой по полу; мало того, что сам не страшется совершенно, так ещё и на кого-то налететь может.

– Уже имел возможность в этом убедиться.

– А бывает, что шляется без дела по залу; сам даже разминку никогда не делает, да ещё и другим мешает, навязывается со своими тупыми анекдотами: расскажет, а потом кричит как ишак – это он смеётся так... А как воняет от него!.. А ещё: всегда старается вплотную подойти к тому, с кем разговаривает... Может чихнуть кому-нибудь прямо в лицо...

– Ну да, ну да, заметил: начинаешь от него отходить, – нет – не понимает, лезет чуть ли не на голову. Лёха как-то быстро его «отшивает», а я что-то не могу, – неудобно как-то; правда, в последний раз разозлился – долбанул его пару раз об татами; так он пошёл тренеру жаловаться...

– Ну что вы за столом – о какой-то гадости?! – Возмутился Алексей. – Надо переключиться на что-то, не вызывающее всеобщего отвращения.

– Без проблем, – Борис потянулся за гитарой.

Шутки ради Алексей перехватил инструмент.

– Ну вот, стоит мне взяться за гитару... – Борис вдруг вспомнил свой вагонный дуэт и замолчал, невольно находя у прошлого те странные щемящие оттенки, которых никогда не бывает в настоящем.

– Обиделся что ли? – насторожилась Катя.

– Нет, нет, – не похоже; скорее, что вспомнил о чём-то, – предположил Алексей. – Возможно, сам где-то у кого-то гитару отобрал... Хотя... нет, – больше похоже, что кто-то сумел его впечатлить и, разумеется, это было как-то связано с гитарой.

– Верно, молодец, – угадал, к тому же, трижды угадал... А вот чтоб он меня обидел чем-то, этого, Катя, я себе и представить не могу.

– Надеюсь, что это действительно так, – пропел Алексей, перебирая струны. – «... И свято верю в чистоту снегов и слов».

– А давай вот об этом поподробнее, только не коверкай песню, как обычно.

Алексей начал наигрывать мелодию.

– Ну, началось! – проворчал Борис. – Просил же не коверкать.

Не обращая внимания на слова Бориса и всё так же искажая мелодию, Алексей продолжил:

Ну вот, исчезла дрожь в руках,
Теперь – наверх!
Ну вот, сорвался в пропасть страх
Навек, навек, —
Для остановки нет причин —
Иду, скользя...
И в мире нет таких вершин,
Что взять нельзя!
Среди непройденных путей
Один путь мой!
Среди невзятых рубежей
Один – за мной!
А имена тех, кто здесь лёг,
Снега таят...
Среди нехоженных дорог
Одна – моя!
Там голубым сияньем льдов
Весь склон облит,
И тайну чьих-нибудь следов
Гранит хранит...
И я гляжу в свою мечту
Поверх голов
И свято верю в чистоту
Снегов и слов!
И пусть пройдёт немалый срок —
Мне не забыть,
Как там сомнения я смог
В себе убить.
В тот день шептала мне вода:
Удач – всегда!..
А день... какой был день тогда?
Ах да – среда!..

О смысле строк излишен спор,
Но нет причин
Не видеть в жизни кроме гор
Других вершин.
О чём Высоцкий умолчал,
Но думать – мог,
Не дохрипел, не докричал —
Всё «между строк».

– А с дополнительным куплетом – нормально получилось, – задумчиво проговорил Борис, – какой-то новый смысл появился... И всё же: не нравится мне, когда Высоцкого коверкают.

– Мне тоже не нравится, когда Высоцкого коверкают, но у меня – своё восприятие.

– У Михаила Евдокимова – тоже было своё восприятие, но в его исполнении песни Высоцкого звучали великолепно.

– Ну ты сравнил!.. Евдокимов был артистом, к тому же – уникальным артистом, да и вообще... убили уже его... Короче, если не нравится... на, – Алексей протянул гитару Борису.

– Да ладно, – Борис слегка оттолкнул гитару, – давай лучше что-нибудь своё, а потом – я.

– Уговорил... А рюмки-то уже давно пустые, – Алексей привстал и потянулся за бутылкой.

– Я налью, – перехватил инициативу Борис, – а ты давай, давай.

– Даю, даю:

Проходят дни, уходят годы;
Их ни на миг не удержать;
А я хочу: сквозь непогоду
Сорваться с места и бежать
Туда, где я был глуп и молод,
Где всё пока-что впереди,
В душе – не поселился холод,
Поют – печальные дожди...
И там мечты мои – чудесны,
Передо мною – целый мир,
И жив, хотя мне не известен ещё,
Мой будущий кумир...
Я бы не взял с собой печали,
Но весь свой опыт захватил
Туда, где всё – ещё в начале,
И я бы, не жалея сил,
Не упуская ни мгновенья,
Напрасно б не прожил и дня:
Возможности и вдохновение
Не ускользнули б от меня,
Я бы сумел собой заняться,
Перекроить судьбу свою...
А нынче... мне б лишь – не сорваться,
Лишь удержаться на краю.

- Ну «мра-ак»! – подытожила Катя. – Умеешь тоски нагнать.
– Всё-то вам не ладно... На, держи, – Алексей отдал гитару Борису. – Завтра на работу?
– Да, – завтра.
– Какое-то плохое у меня предчувствие в связи с этими переменами, – выдавил Алексей, потягивая вино.
– Ну что ж теперь?.. Я уже забыл, когда у меня были хорошие предчувствия, – Борис ударил по струнам. – И вообще:

Я не люблю играть в футбол... на минном поле,
Это – как будто – выживать в родной стране;
К тому же, этому – совсем не учат в школе...
Кому-то дали нужный навык, но не мне.
Ищу совета в притчах Нового Завета,
В песнях Высоцкого и в Пушкинских стихах;
Но вот ответ митрополита Филарета,
Что дан был Пушкину, мой обнажает страх...
Я существую как бы впопыхах
И день за днём всё ниже опускаюсь...
В своём «отчёте о проделанных грехах»
Я только снова согрешу, но не покаюсь...
Я, гражданин Отечества худой,
Небесного – и вовсе не достоин;
И занят я – какой-то ерундой
Всю жизнь свою... Бес за меня спокоен...
Поляну вижу, где красивые цветы —
Словно крестов церковных позолота.
Я опускаюсь как в цветы – в мечты,
Не распознав кувшинки и болото...
Не вразумил меня святитель Филарет:
Мне всё же ближе «Дар напрасный, дар случайный...»
Да ведь и Пушкин – тоже выбрал пистолет,
Как будто был ведом какой-то силой тайной...
Смаковниц нет, за то полно дубов и лип...
И я не понимаю – почему...
Себе знал цену, а в болото влип...
Но по делам своим – достойное приму.

– И этот – туда же!.. – со вздохом выдала Катя. – Мало того, что в «шараге» всё хреново до предела, так ещё и у вас тут – сплошной упадок... Уйду я от вас.

Ночью прошёл дождь. Перепрыгивая в темноте через лужи,
Борис несколько раз помянул крепким словом городские власти за отвратительное освещение улиц, однако вскоре приноровился и уже почти перестал бояться переломать ноги перед первым же рабочим днём. «Что-то затянулось время потерь и неудач, – думал Борис, – очень затянулось; надо как-то всё изменить».

Перед заводоуправлением асфальт оказался почти без выбоин и луж;

Борис решил сделать небольшую пробежку. Обгоняя, спешащих на работу, людей, он вдруг заметил хорошо знакомый силуэт и осторожно окликнул:

– Романыч, ты что ли?

Идущий впереди обернулся:

– Здорово, Борис!.. Ты обратно к нам?

– Ну да. Привет, – Борис протянул руку.

– Хорошо... Может, теперь работа пойдёт нормально.

– Из-за меня-то?.. Ну ты скажешь тоже, Егор Романович!

– Боря, я серьёзно... После твоего ухода – у нас, считай, одни алкаши остались.

– Как так?.. А ребята?..

– А ты не знаешь?.. Витьку – тоже посадили, Серый – помер, Толяна – покалечили, оба Игоря – уволились, а остальные – спиваются потихоньку... Зарабатывать меньше стали... Но это – не только из-за пьянки: хозяева у завода сменились; то, что прежние украсть не успели, – то нынешние «подчищают».

– А «прессуют» -то как и прежде?

– Если не «круче»... Да вон гляди: некрологи-то висят.

Увидев перед проходной два некролога, Борис воскликнул:

– Постой, Романыч!.. Гляди: это же Пашка Крыласов!

– Видел уже.

– Он же года на три моложе меня!

– Попробуй столько же нервы с начальством «повыматывай», да поработай на износ, да попей каждый вечер как он!.. Долго протянешь?!

Потрясённый увиденным, Борис молча прошёл через проходную, но вдруг вспомнил, что хотел узнать про зал:

– Романыч, а где зал, в котором ребята занимались?

– Какой зал?.. А, ты про свой «мордобой»... Я не в курсе, – не интересуюсь... Показушные соревнования начальство устраивает где-то; меня, слава Богу, не трогают, – староват... Молодых поспрашивай... Правда, теперь и молодые только одним видом спорта интересуются – «литроболом»; а всё остальное: принудилровка под угрозой увольнения.

Алексей

Не обращая внимания на темноту, Алексей размеренно бежал привычным путём, обгоняя редких прохожих. Заметив издали в свете фонаря Катю, он, тем не менее, позволил ей себя «напугать».

Девушка уверенно вцепилась в руку Алексея и, взглянув в его глаза, спросила:

– Испугался?!

– А если бы в темноте перепутала и напала бы на кого-то другого?

– Я?! Перепутала?! Прикальываешься что ли?.. Кошки в темноте хорошо видят... А ты ведь меня тоже увидел?.. Волч, а Волч?.. Волки тоже в темноте хорошо видят, – Катя повисла на руке Алексея.

– Уже скоро к «шараге» подойдём. Как бы опять директор или кто-нибудь из холуёв – нас вместе не увидели.

– Да наплевать на них! Их комплексы неполноценности – это их личные проблемы.

– Однако они не упустят возможности в очередной раз отыграться на ком-нибудь за собственную ущербность... Тебе в прошлый раз что сказали?

– Мне омерзительно-вежливо напомнили, что я ещё не получила диплом.

– Они ведь, действительно, могут сделать какую-нибудь гадость. Были случаи, когда некоторым слишком свободолюбивым студентам снижали оценки на экзаменах. Сам много раз наблюдал это паскудство; как-то даже возмутился, высказал своё мнение.

– Да?! А они как отреагировали?

– Сразу переключились на меня: попытались высмеять, унижить. Особенно Авоськина старалась; видимо, хотела выслужиться перед директором.

– Тебя, вроде, «заклевать» не так-то просто.

– На их насмешки мне наплевать; однако тогда я окончательно убедился, что не в состоянии кого-либо защитить.

– А студенты сами никогда не пытались как-то защищаться?

– Фактически, нет... «Огрызались», правда, многие, но... пустое всё это.

– А, по-моему, если хорошенько во всём разобраться, то весь этот «гадюшник» вполне можно было бы разогнать, а кое-кого – даже и посадить.

– Да, – для этого хватило бы одних только финансовых махинаций, которые они проворачивают, выдавая студентам какие-то «левые» деньги под роспись и тут же забирая их обратно.

– А поборы на всякие там «ремонт» и тому подобное! – возмущённо добавила Катя.

– Да, но кто же решится от своего имени написать на них в прокуратуру?.. Говорят, правда, что анонимки писали; но их ведь не рассматривают. А если подсчитать, – сколько украдено за все годы существования училища, опросив и бывших студентов, и нынешних, да сверив всё это с документами, – директора точно можно было бы сажать, да и Носову – как пособницу.

– Да... – Катя тяжело вздохнула. – Скорей бы уже окончить этот «дурдом» и постараться забыть его как страшный сон.

– Похоже, что все студенты думают приблизительно так же: в начале учёбы – ещё не понимают куда попали, а года через полтора, когда сбегать, вроде, уже поздно – времени потерянного жалко, начинают надеяться, что как-нибудь смогут отмучаться... Однако, мы уже подходим.

– Ну ладно, увидимся ещё, – Катя отбежала в сторону и присоединилась к группе студентов.

Алексей ускорил шаг, вошёл в здание училища и направился в свой кабинет, где, не включая освещение, сел, закинув ноги на край стола, и задумался. В его жизни за последние годы произошло так много самых разных событий, что периодически возникало желание остано-

виться, всё проанализировать и осмыслить. Преподавательская работа, вопреки ожиданиям Алексея, отнимала значительно больше времени, чем работа врача; к тому же, большая часть новой работы казалась ему абсолютно бессмысленной, поскольку направлена была не столько на обучение студентов, сколько на формирование имиджа директора. Задолго до своего прихода в училище Алексей многократно слышал отрицательные отзывы об этом заведении от тех, кто так или иначе соприкасался с его деятельностью: это были и едкие усмешки по поводу лизоблюдства и показухи, и сочувствие в адрес студентов. Собственные впечатления, однако, в первые же месяцы работы превзошли все самые худшие ожидания. Никогда раньше Алексей не попадал в коллектив на столько пропитанный холуйством, лицемерием, завистью. Работопленичество сотрудников перед директором вызывало у Алексея нарастающее отвращение. Тем не менее у новой работы была и положительная сторона: Алексей впервые на столько близко познакомился с представителями молодого поколения и с удивлением обнаружил, что многие из них оказались вовсе не такими плохими, как ему казалось ранее, с некоторыми даже завязались дружеские отношения.

В коридоре послышались голоса студентов:

– Темно... Разве Волчкова нет ещё?

– Ага, *щас*, как же!.. Всегда в темноте сидит, пока никого нет.

«Упрямова Лариса и Арбузова Татьяна», – догадался Алексей и потянулся к выключателю.

Сразу после обмена приветствиями Лариса прикрыла дверь и обратилась к Алексею:

– Мы тут такое узнали!.. Подслушали случайно разговор Авоськиной, Носовой и Басюковой у кабинета директора... Они наши анкеты обсуждали, о личной жизни студентов сплетничали, унижали и высмеивали многих.

– Вот «удивила»!.. Для меня это – не новость.

– Он, наверное, там же был, – предположила Татьяна, обращаясь к Ларисе.

– Да? – Лариса вопросительно взглянула на Алексея.

– Возможно... Это ведь – не единичный случай, это – у них в порядке вещей... Только не подумайте, будто я тоже в этом свинстве участвую.

– Ну ничего себе!.. А мы анкеты заполняем, на все вопросы отвечаем откровенно...

– Это – вы зря... Все эти сведения могут быть использованы против вас; а когда поймёте, как именно, – будет уже поздно.

– А куда деваться?.. То Носова «допросы» устраивает, то психолог анкеты раздаёт...

– Учитесь отвечать, не давая реальной информации о себе... Да, предостерегите и других, кого возможно, кроме доносчиков.

Ещё несколько студентов один за другим вошли в кабинет; последней прибежала Анна Шелестова и, плотно закрыв дверь, объявила:

– Тихо!.. К нам Басюкова идёт.

– Это – точно? – спросил Алексей.

– Сама сейчас слышала, как она директору сказала, что сюда идёт, пока у неё время есть.

– Ладно, – значит: проводим письменный тестовый контроль прямо сейчас; тетради и учебники убираем; на столах – только ручки и чистые листы.

Алексей начал раздавать карточки с заданиями, не обращая внимания на то, что в кабинет вошла Басюкова, а студенты, мгновенно помрачнев, поднялись со своих мест.

Басюкова махнула рукой, приказывая студентам сесть, и сама устроилась на свободное место рядом с Ларисой. Студенты погрузились в работу.

Увидев, как вдруг изменилось выражение лица Ларисы, и зная, что от неё можно ожидать какой-нибудь выходки, Алексей насторожился и, пытаясь предупредить её интонацией, спросил:

– Лариса, тебе что-то непонятно?

– Нет, нет, – всё понятно, – отозвалась студентка, лукаво взглянув на Алексея.
«Сейчас что-нибудь выкинет», – подумал Алексей и не ошибся.

– Фаина Тимуровна! – зашептала Лариса достаточно громко. – Что для проводниковой анестезии используют?.. Не знаете?..

– Упрямова, сама думай! – возмутилась Басюкова.

Лариса быстро проставляла ответы, но вдруг, как бы забывшись, опять полушёпотом обратилась к Басюковой:

– Фаина Тимуровна, а в какую фазу ингаляционного наркоза нельзя делать операции?

– Да что же такое?! Совсем уже обнаглела!..

– Не знаете? Ну ладно, – я сама, – попытожила Лариса под сдержанные смешки студентов.

– Не ленись, Лариса, – думай сама, – проговорил Алексей с явным подтекстом. – Ты же умная, – я знаю.

Басюкова тем временем поднялась и направилась к двери.

Как только дверь захлопнулась, студенты начали острить и хихикать; одна лишь Татьяна сидела в задумчивости, а потом вдруг серьёзно посмотрела на Ларису и сказала:

– Она же поняла, что ты над ней издеваешься... Опять какие-нибудь неприятности будут.

– Почему «опять»?

– Забыла уже, как ты на общем собрании высмеивала КВН и другие показушные мероприятия, направленные на повышение авторитета директора, а потом всех «тиранили» две недели?

– Хватит вам, успокойтесь, доделывайте контрольную; кто уже всё «отгадал», – сдавайте, – попросил Алексей. – Успеете ещё пошуметь... Тому, кто первым сдаст, дам почитать проект, так называемого, «морального кодекса преподавателя», – вот где, действительно, умора.

Лариса тут же сорвалась с места и побежала сдавать работу, а получив взамен несколько скреплённых листов, взялась за их изучение, но вдруг, вспомнив слова Татьяны, спросила:

– Алексей Георгиевич, а меня после того собрания обсуждали у директора?

– Да, разумеется.

– И что сказали?

– Ой, на тебе, оказывается, «серьёзные провинности»: ты и «слишком умная», и законы ты знаешь; а вам ведь не положено законы знать, – это же «страшное преступление» – знать законы и не давать себя дурачить, используя в чуждых вам целях... Носова, правда, «заступилась»: сказала, что вовсе ты не умная, а просто в хорошей школе училась, – то есть: Лариса-то – плохая, просто школа хорошая.

– Прикольно... А вот эту-то «хрень» они за каким «сляпали»? – Лариса помахала листами.

– А разве не понятно?

– Вообще-то понятно, только проще было бы всего одну фразу написать: «Директор всегда прав».

– Хорошо суть улавливаешь.

Сделав перерыв в занятии и быстро проверив работы студентов, Алексей объявил оценки:

– Анна, Татьяна и Лариса получают «пятерки», Николай и Михаил – «двойки», обе Лены – «тройки», остальные – «четвёрки». Давайте разберёмся с ошибками; думаю, что с этой задачей, как обычно, хорошо справятся отличницы.

Лариса забрала работы студентов, разделила их на три части и тут же принялась вслух читать работу Михаила, однако, почти совсем не рассматривая конкретные ошибки, продемонстрировала ясное понимание сути проблемы:

– Не хочу сказать, что Мишка – совсем дурак, но думаю, что если бы он почаще заглядывал в тетрадь и в учебник, да поменьше бы пялился на Ленку, то вполне мог бы написать и на «тройку».

Под смех студентов Лариса переключилась на следующую работу.

Когда обсуждение уже заканчивалось, дверь вдруг открылась и в кабинет вошла Носова. Студенты встали, поспешно застёгивая халаты и надевая колпаки. Носова сделала записи в блокноте и принялась отчитывать студентов:

– Это что за своеволие?! Вы не знаете, что у нас единая форма одежды установлена?!

– Дина Олеговна, у нас жарко в кабинете, – один за всех попытался оправдаться Михаил.

– А ты вообще помолчи!.. У вас всегда то жарко, то холодно... Ты, кстати, «двойки» свои исправил?

– Нет.

– Он сегодня ещё одну получил, – позлорадствовала Лена Златова, за что тут же получила в бок от Лены Полозовой.

– В кабинет директора после занятий зайдёшь!.. Понял?! И Полозова – тоже, – Носова ещё раз окинула взглядом студентов и, не найдя, к чему ещё придраться, вышла.

Пока студенты, снимая колпаки, ругали администрацию училища, маленькая и вертлявая Юля Инева по прозвищу Юла, вытянув вверх руку и помахивая ею, спросила:

– Можно?! Можно?! – не дождавшись ответа, она вышла к доске. – Можно «детский» стишок прочитать?

Под аплодисменты студентов Юля раскланялась, затем сделала жест, повлекший наступление тишины, и нарочито детским голосом стала читать:

Это чей там толстый зад
Не проходит в двери?!
На уроке колпачки
Кто у вас проверит?

Остановив жестом аплодисменты, Юля продолжила:

Укусить, да побольней —
– Верх крысиной тактики.
Вспоминайте поскорей:
Кто здесь зам по практике?!

Раскланявшись под аплодисменты студентов, Юля вернулась на своё место, но вдруг, посмотрев на Алексея, спросила:

– А они, вообще-то, имеют право так вот врываться на занятия?

– Вообще-то – нет, – ответил Алексей. – По закону – преподаватель имеет право самостоятельно решать, как ему проводить занятия... То, что они сюда периодически лезут и чуть ли не над головой висят – это, видимо, они меня пытаются выжить из училища, как выжили уже многих неугодных. Получается прямо как в одной шансонной песенке:

И каждого такое ожидает,
Кто не приучен «задницы лизать»,
А кто «лизал», «на гору залезая»,
Мечтает всех за это наказать.

– Хорошо хоть, что она не заметила у нас образец их холуйского творчества, – Лариса передала Алексею «моральный кодекс». – А я на перемене эту «стыдобу» скопировала у Элеоноры; пусть и остальные посмеются.

– И деньги заплатила? – удивилась Юля.

– Само собой... Бесплатно они не копируют.

Продолжение занятия получилось вялым. Тягу к знаниям демонстрировали только Анна и Татьяна. Юля, покачиваясь на стуле, задремала и в какой-то момент, едва не ударившись лицом о стол, положила голову на руки и, перестав бороться со сном, уснула.

Делая вид, что не замечает спящую Юлю, Алексей попытался исследовать знания Михаила, однако, не обнаружив последних, переключился на Елену.

– А почему у нас Юлька спит? – недовольно буркнула Лена.

Услышав сквозь сон своё имя, Юля приподняла голову. Вовремя сориентировавшись, но не вполне поняв суть ситуации, Лариса подсунула Юле на колени учебник и ткнула пальцем в нужную строку. Уже читая по учебнику, Юля постепенно поняла суть вопроса и продолжила по памяти, вернув учебник Ларисе.

Миграция вопроса и начало ответа «на автопилоте» позабавили Алексея; однако, увидев, что учебник вернулся к Ларисе, он решил дать Юле возможность хоть немного оправдаться перед студентами, а потому спросил:

– Что у тебя там под столом?

– Ничего, – ответила Юля и встала, показывая, что, действительно, ничего не прячет.

Окончив ответ, Юля вновь распласталась по столу.

– А она опять спит! – пожаловалась Лена.

– Юль, действительно, – подхватила Анна, – имей совесть!

Понимая, что Юля уже не слышит, Лариса решила ответить за неё:

– Отстаньте вы! Ночью она почти не спала.

– Это что же она ночью делала? – ехидно поинтересовалась Лена.

– В больнице была... Она же в прошлом учебном году отказалась от принудительной «как бы волонтерской практики»; ей взамен дали больного ребёнка.

– Чем ей одинокие старики не понравились?

– Хотя бы тем, что они – совсем не одинокие. К ним какие-то алкаши ходят.

– Ночевать-то в стационаре зачем? От нас этого не требуют.

– Действительно!.. От нас показуху требуют: лишь бы администрации училища было чем «блеснуть». Юлька не ради этих тварей ходит. Она к своему подопечному привязалась, подружилась с ним.

– Ночью-то зачем с ним сидеть? – не унималась Лена.

– У него носовое кровотечение было; надо было следить, чтоб он только на боку спал, чтоб кровь в гортань не попала.

– Кто ему нос разбил?

– Никто не разбивал. Лейкоз у него, – геморрагический синдром при лейкозе.

– А родители его где?

– Я не знаю, – ответила Лариса, пожимая плечами. – Юля говорит, что к нему только бабушка ходит, и-то редко, видимо, и сама болеет. Похоже, что с семьёй у него ситуация не лучше чем со здоровьем; хотя воспитан он хорошо, даже очень.

– Мы же видели этого ребёнка, – вмешалась Анна, видя, что преподаватель не препятствует затянувшейся беседе. – Ему лет шесть, да?

– Восемь, – ответила Лариса. – Правда, выглядит, действительно, лет на шесть... Ослаблен он, – отстаёт в физическом развитии, однако умный и очень терпеливый.

– Я, кажется, тоже его знаю, – вспомнила Татьяна. – Тёмка, да?

– Да, – подтвердила Лариса.

– Он, хоть, выживет? – задумчиво проговорил Михаил.

– Юля говорит, что сейчас излечивают от лейкоза. Излечивают ведь, Алексей Георгиевич?

– При комплексном подходе вполне можно добиться стойкой ремиссии и даже вылечить полностью, – подтвердил Алексей.

Весь остаток занятия Юлю никто не тревожил.

Вечером того же дня Алексей отправился на тренировку в клуб «Кимэ». Много раз он замечал, что тренировки будто очищают его после рабочего дня; гнетущая психологическая атмосфера училища вытеснялась из его сознания спокойной и доброжелательной атмосферой зала. На этот раз всё было не так.

Переодевшись, Алексей сел и задумался, вновь пытаясь осмыслить всё, что с ним происходит: «Из шараги, того глядишь, турнут... С Борисом что-то не то творится... Кошку твари прессуют по чём зря...» – мысли мелькали почти самопроизвольно, всё больше угнетая Алексея.

Вошёл Брусятин, осмотревшись, расплылся в улыбке и направился к Алексею, протягивая руку для приветствия. Отстраняясь, Алексей поднялся со скамейки, обошёл Стаса, не здороваясь, и направился в зал. Нарботанные годами, стереотипы многократно избавляли его от необходимости задумываться над выбором упражнений. Алексей начал самостоятельную разминку.

– Волч, а Волч!.. В темноте меня узнаёшь, а тут прошёл и не заметил, – раздался совсем рядом голос Кати.

– Да, виноват; однако среди общей массы в кимоно ты как в белом маскировочном халате на снегу. Разминку сделала?

Катя кивнула.

– Может, поиграем, пока есть возможность?

– А давай! – Катя немного отошла, слегка сжалась и стала похожа на испуганного котёнка.

Алексей обозначил несколько ударов. Катя то уворачивалась, то блокировала сразу двумя руками, но не гасила удары, а отлетала в сторону, экономя силы. Уйдя в очередной раз от серии ударов руками и отлетев от «маваси гери», нанесённого в средний уровень, Катя одновременно приблизилась к Алексею и, отводя левой ладонью его правый локоть, локтем другой руки ударила по корпусу и успела зашагнуть за опорную ногу Алексея. Упав и кувыркнувшись, Алексей вновь принял стойку, но Катя уже обозначила удар ногой, слегка задев правый висок Алексея, и тут же принялась «вязать» руки условного противника, переключаясь на упражнение «липкие руки». Приняв, предложенные Катей, условия, Алексей позволил ей выполнить несколько ударных связок и болевых приёмов, но затем начал выполнять контр-приёмы. Слетав несколько раз на татами, Катя решила сменить тактику: из стойки «испуганного котёнка» она нанесла несколько «лоу-киков», понимая, что Алексей не посмеет отвечать тем же. Алексей покачал головой и попросил:

– Повтори помедленнее.

Катя повторила удар. Алексей прыжком сменил стойку и, указав пальцем на Катину стопу, сказал:

– Травма голеностопного сустава... Ещё раз!

Катя вновь повторила удар. На этот раз Алексей подставил голень и прокомментировал:

– Травма голени – у обоих, правда, но всё же... «Санчин дачи», – Алексей указал рукой на Катини ноги.

Катя приняла указанную стойку. Алексей выполнил медленный толкающий удар, направляя его по диагонали сверху вниз и натягивая пальцы стопы на себя. После того, как его голень столкнулась с Катиным бедром, он пояснил:

– Так получается более жёстко, да и безопаснее.

Начиналась общая тренировка.

– Когда закончим, без меня не уходи, – попросила Катя.

После тренировки, выйдя из клуба вместе с Катей, Алексей начал рассказывать о событиях дня, но Катя остановила его:

– Подожди... Ты зачем позволил Лариске холуйский кодекс скопировать? Над ним сегодня все, кому не лень, потешались... Выгонят ведь, – дождёшься.

– Думаю, что это – в любом случае – всего лишь вопрос времени: как только представится возможность, – обязательно выгонят или хотя бы пакость какую-нибудь сделают в очередной раз. Выговор на пустом месте уже объявляли по доносу моей бывшей; хотя, других – и за реальные проступки не наказывают, если те директору угождают, холуйствуют всячески.

– Как это «по доносу»?.. А при чём тут твоя бывшая?

– Когда я заявление в суд принёс, там тоже очень удивились, даже посмеялись и над порядками в училище, и над глупостью жены моей бывшей... Не лень же ей было шпионить!

– А суть-то твоего «проступка» в чём?

– Студенты как-то ко мне в гости пришли... Я тогда в отпуске был, а студенты – на каникулах... Потом всех вызвали к директору, заставили объяснительные писать...

– «Дурдом»!.. А какое их «собачье» дело, кто как проводит своё свободное время?!

– Патология какая-то!.. Для них в порядке вещей, когда они сами устраивают пьянки прямо в «шараге» по поводу огромного количества праздников, а фактически – для того, чтобы каждый мог полицемерить, показать своё «уважение» к директору...

– А жене-то твоей бывшей какой смысл вредить тебе?

– «Моя бывшая» и «смысл» – это понятия несовместимые... Она мне давно обещала добиться, чтоб меня из училища выгнали... Пока я работаю, она алименты из моей зарплаты получает. Что она будет получать из пособия по безработице?.. Похоже, что желание сделать мне пакость подавляет остатки здравого смысла, хотя, пожалуй, что таковых у неё и нет вовсе.

– Зачем надо было жениться на такой?

– Сразу человека не изучишь... Когда-то «прикол» был на «Русском радио»: «Поближе узнаешь – подальше пошлешь»... Да у многих так получается... Она хотела сделать меня своей собственностью, «вещью» своей... Какой вообще смысл жить, не будучи самим собой?

– Сколько раз к тебе студенты приходили?

– Не знаю, – не считал.

– наших горе-руководителей, похоже, раздражает, что ты со студентами на равных общаешься.

– С первых дней работы в училище знаю, что это их бесит. Они и выживают-то из училища именно тех преподавателей, которые студентов за людей считают, а не за расходный материал для возведения «пьедестала почёта» под директора... По практике до Басюковой – такая хорошая была, – выжили...

– Слышала я от старшего курса: Карасёва, кажется... Говорят, что вы с ней Юльку Жужаву от Носовой спасли.

– Было как-то такое, было: Носова на защиту учебных историй болезни пришла в плохом настроении, долго искала на ком бы злость сорвать и таки нашла – самую маленькую, самую безобидную; наорала на неё так, что Жужа куда-то исчезла...

– Говорят, что её под лестницей нашли.

– Да, подруга её подсказала... Ну, полезли под лестницу; там: Жужа сидит вся в слезах, говорить не может, только всхлипывает; а ей надо идти отчитываться по своей истории. Слышу: Носова уже где-то кричит, что если Жужаева через пять минут не появится, то ей будет «двойка» за историю. Жужа эти вопли услышала, – говорит: «Не пойду!.. Она меня завалит». Я ей в ответ: «Успокойся; пойдём в кабинет, смотреть будешь – только на меня; если Носова будет задавать вопросы, – отвечай на эти вопросы не ей, а мне». В общем, Юля так и сделала. Не смогла Носова ни одной ошибки найти... Короче, поставил я Юле «пятёрку»; а Носова с тех пор меня возненавидела.

По мере приближения к своему дому Катя становилась всё более задумчивой, оказавшись же у самого подъезда, она нерешительно сказала:

– Не знаю: правильно ли поступаю; но думаю, что лучше сказать... В общем, по пути на тренировку Бориса видела – пьяного и с сигаретой... Не моё, конечно, это дело, но я, вроде бы, чуть-чуть его узнала как человека... Короче, я сказала и, считай, что забыла; а ты – сам думай.

– Спасибо, что сказала. Пожалуй, я понимаю, – в чём тут дело.

Попрощавшись с Катей, Алексей отправился домой. Мысли его не путались, а просто сжались в тугую клубок и выдали на поверхность единственную фразу из старого анекдота: «Зачем думать?! Трясти надо!». Алексей достал телефон и позвонил Борису:

– Привет. Завтра свободен?.. Приходи: посидим, поболтаем.

Подходил к завершению очередной рабочий день Алексея; оставалось лишь дочитать последнюю лекцию. Произнося почти автоматически хорошо знакомый текст, в мыслях своих он был уже далеко.

– Вас тоже уже успели «задолбать» сегодня? – вдруг спросила Лариса.

– Нет... Сегодня – не успели... Забыли, наверное... А с чего ты это взяла, что «задолбали»?

– Вроде, видно по вам.

– А ты – психолог!

– Ошиблась ведь.

– А «ошиблась» преднамеренно, чтоб небольшой перерыв устроить? От писанины устали?

В этот момент дверь распахнулась, в аудиторию вошла Носова и, окинув взглядом студентов, грозно спросила:

– Вставать уже разучились?! – она выдержала паузу, дожидаясь пока все встанут. – Садитесь. Чем у нас Упрямова недовольна?

Лариса промолчала, Алексей – тоже.

– Ладно, – понятно, – заключила Носова и подошла к Маше Ратиборовой. – Мария, почему утром опоздала?

Маша молча поднялась и, плотно сжав губы, слегка отвернулась.

– Дина Олеговна, она же на электричке ездит, – сдержанно напомнила Татьяна.

– Тебя, Арбузова, не спрашивают! – закричала Носова. – Она сама ответит.

Маша продолжала молчать. Носова опустила взгляд на стол и, найдя новый повод, вновь закричала:

– Почему семечки на столе?! Ты где находишься, – в деревне своей?!

Маша не выдержала и ответила:

– Если я – деревенская, это ещё не значит, что меня надо унижать и что на меня надо орать... Да, я из деревни, но за то я, в отличии от вас, никому «задницу не лижу» и «лизать» не собираюсь.

– Выйди из аудитории! – заорала Носова.

Брезгливо взглянув на Носову, Маша вышла; следом вышла и Носова, громко хлопнув дверью.

– Теперь эта мразь выгонит Машку, – забеспокоилась Татьяна.

– Нет, не думаю; студентов и так мало, – возразил Алексей.

– Если они будут нас выгонять за любую мелочь, – тогда их самих разгонят, – добавила

Лариса.

Когда лекция закончилась, Лариса подошла к Алексею с вопросом:

– Значит, плохой из меня психолог?

– Нет, нет; психолог из тебя, пожалуй, хороший.

– Но я же ошиблась.

– Ты не можешь быть в курсе всех обстоятельств.

– А вы поспешили эти обстоятельства замаскировать?

– Верно... Умная ты, – просто не перестаю восхищаться.

– Без иронии?

– Без.

Будучи не в состоянии заниматься чем-то другим, Алексей обдумывал предстоящий разговор с Борисом. «Скатиться по наклонной плоскости можно очень быстро, – рассуждал он, – однако нельзя же его отчитать как школьника; нет, надо лишь слегка поддержать, а для начала – попробовать разобраться».

Когда вечером пришёл Борис, Алексей засыпал его вопросами. Борис отвечал уклончиво и сдержанно, а потом вдруг как бы подвёл общий итог:

– Короче, во всём – «облом», Лёха... Не знаю, что делать... На заводе одна «пьянь» осталась, да старики... Да, кстати, молодой один появился, – из вашего училища выгнали, – Ванька Емельянов.

– Знаю, знаю, – тут же вспомнил Алексей. – Он чуть больше года проучился еле-еле, «двоек» нахватал, – его и выгнали; теперь, вероятно, пропадёт.

– Это почему?

– А его на заводе кто-то перевоспитывать будет?

– Нет... Издеваться – будут; вернее, уже издеваются: называют «Иваном-царевичем», намекая тем самым на совсем другой сказочный персонаж.

– В «шараге» его так же называли многие, в том числе и заместитель директора.

– Разве можно так в учебном заведении?... И, кстати, почему ты училище «шарагой» называешь?

– Студенты так называют, когда начальства рядом нет, – вот и я привык... Правильно называют... Ещё «гадюшником» называют, имея в виду тот, с позволения сказать, «коллектив», который целенаправленно формирует вокруг себя директор, выживая людей приличных и оставляя холуёв.

– Я, вообще-то, много плохого об этом заведении слышал. Многие с иронией и с издёвкой называют это училище «театральным», «показушным», некоторые даже с тюрмой сравнивают, студентов жалеют.

– За то в газетах хвалят и по местному телевидению.

– Понимаю твою иронию... Городские средства массовой информации трудно заподозрить в правдивости и свободомыслии.

– «Народ безмолвствует», а холуи тем временем показухой занимаются; показуха же всегда держится на принудилровке. Люди терпят из-за того, что боятся работу потерять; горе-начальникам, однако, этого уже мало, – им нужны доказательства холуйской преданности.

– Лёха, а когда ты в поликлинике работал, там не лучше ли было?

– В каком-то смысле, возможно, там и лучше; такой «гнили» как в училище там не было...

– Вот и возвращайся обратно.

– Это не реально. Я и ушёл-то оттуда, прежде всего, потому, что аллергические реакции у меня были. Когда из-за аллергического конъюнктивита глаза режет так, что приходится их на какое-то время закрывать, можно и на амбулаторной операции пациента угробить, не заметив своевременно какой-нибудь кровоточащий сосуд.

– А лечиться не пробовал?

– Пробовал... Пробовал и понял, что положительные результаты в подобных ситуациях бывают только по телевидению в передаче «Здоровье», но не в реальной жизни... Жить же постоянно на антигистаминных и сосудосуживающих препаратах – довольно утомительно; а отсутствие побочных действий и осложнений – враньё с целью рекламы этих препаратов... Если бы я остался в поликлинике, вероятно, «загнулся» бы уже. Там ведь помимо испарений антисептиков ещё из неисправной вытяжки всякая гадость летела.

– Из какой вытяжки? – не понял Борис.

– Там под хирургическим кабинетом почему-то расположен зубопротезный... Зубной техник использует абразивные материалы; у него-то эту пыль затягивает, а далее через дырявую трубу всё вылетает не на улицу, а на второй этаж.

– А начальство куда смотрело?

– Говорил я главному врачу; но ему – наплевать... От зубопротезного он, видимо, какой-то доход имеет, так же как и от сдачи в аренду помещений под какие-то склады и что-то ещё; трубу по-настоящему чинить – не в его интересах.

– У тебя ведь, вроде, помимо хирургии ещё какие-то специализации есть?

– Да, да: и эндоскопия, и трансфузиология, и онкология, и массаж, и лечебная физкультура; только всё это – теперь недействительно.

– Почему?

– Вышло какое-то маразматическое постановление о том, что надо на каждую специальность ещё по четыре месяца отучиться и новые документы получить... Мне такой идиотизм уже не осилить.

– Значит, держись за училище потому, что больше некуда податься?

– Отчасти – да, но не только. Мне ведь, слава Богу, общаться больше приходится со студентами, чем с сотрудниками и с начальством; а студенты, в основном, – хорошие. Среди них даже есть такие, которые, фактически, стали моими друзьями; в гости иногда заходят, и не только нынешние, но и бывшие.

– А фотографии есть?

– Есть... Фотографий много.

– Посмотреть можно?

– Да вон альбомы на полке: бери, да смотри... А ты, однако, хитрый... Я хотел о твоих делах поговорить, а ты, значит, на меня «стрелку перевёл».

– Да ладно, Лёха... Устал я что-то... Пойду, пожалуй; лучше спать пораньше лягу... Потом как-нибудь поговорим ещё.

– Ладно, как скажешь.

После ухода Бориса Алексей испытывал душевный дискомфорт. Вместо того, чтобы попытаться чем-то помочь, он потратил время на рассказы о собственных проблемах. Теперь он не знал, что делать. Испытывая чувство вины, Алексей почему-то незаметно уплыл в воспоминаниях к моменту своего первого прихода в училище. Он вспомнил затянувшееся ожидание у двери кабинета директора, когда, не желая зря тратить время, решил побеседовать со своим предшественником. Поднявшись этажом выше, Алексей вошёл в кабинет, поздоровался, представился и спросил:

– Могу я узнать причину вашего увольнения?

– Появилось место в стационаре; а здесь оставаться, честно говоря, и сил больше нет: надоели уже и постоянные придирки, и грубое давление со стороны администрации из-за любой мелочи, фактически – диктат; хотя закон и даёт преподавателю существенную независимость, но это – формально, а фактически – даже коллективные пьянки по поводу многочисленных праздников тут возведены в ранг обязательных мероприятий.

Алексей удивился и хотел-было продолжить разговор, но прибежала взволнованная секретарь директора и позвала Алексея:

– Что же вы ушли?! Идите быстрее! Директор вас ждёт.

Алексей извинился и, подгоняемый секретаршей, вновь направился вниз. Он вошёл в кабинет и поздоровался. Из глубины кабинета на Алексея глядело некое существо среднего рода и неопределённого возраста. Хотя директор сидел в кресле, но Алексею показалось, что взгляд его будущего начальства направлен сверху вниз и выражает какую-то крайнюю степень презрения. Вздёрнутый кверху нос и неестественно светлые волосы, казалось, подчёркивали высокомерие руководителя.

Получив приглашение сесть, Алексей опустился на стул и приготовил документы. В тот же момент в кабинет, извиняясь и на словах и всем своим видом, вошла пожилая женщина с бульдожьим выражением лица и, как-то заискивающе взглянув на директора, явно собиралась что-то сказать, но не успела.

– Присядьте, Маргарита Ивановна, – властно приказал директор.

Последовавший разговор заставил Алексея почувствовать себя то ли мебелью, то ли каким-то другим неодушевлённым предметом; он молча наблюдал, как Маргарита Ивановна, сжавшись и глядя на директора снизу вверх, ловила каждое его слово, поддакивая и кивая. Не улавливая в разговоре какого-либо смысла, Алексей отвлёкся и даже не заметил, как директор переключился на него.

– ...и никакого панибратства со студентами! – продолжал тем временем директор. – Держите дистанцию!

Ещё не понимая смысла этих слов, Алексей кивнул, как бы показывая, что ещё не уснул и продолжает внимательно слушать.

– Кстати, нам ещё нужен преподаватель педиатрии, – продолжал директор. – Не знаете случайно кого-нибудь, кто подходил бы на эту должность?

– Нет, – коротко ответил Алексей и отрицательно покачал головой.

Уже в ближайшие дни Алексей узнал, что преподаватель педиатрии в училище давно имеется, к тому же, очень хороший преподаватель, пользующийся заслуженным уважением студентов, но не стремящийся угождать директору.

От воспоминаний настроение у Алексея испортилось окончательно. Желая избавиться от мыслей, он решил поработать с макиварой. Нарботка правильного движения вскоре превратилась в активную медитацию; настроение выровнялось, сознание стало похожим на поверхность чистого озера при отсутствии ветра. Такое состояние вполне устроило Алексея.

Утро выдалось морозное. Покрывшись тонким слоем снега, улицы стали светлее. Алексей издали увидел Катю на перекрёстке и, приближаясь, поинтересовался:

– Опять поджидаешь чтоб напугать?.. Привет.

– Приветик... Гляди, – Катя указала в сторону дороги. – Минуты две как «скорая» отъехала, теперь менты тормозной путь меряют, будто так не ясно.

– А что случилось?

– Какой-то «урод» девчонку «мелкую» сбил, школьницу, прямо на пешеходном переходе; на красный сигнал светофора ехал, вернее – «летел», сволочь; хорошо хоть, что и машину разбил об столб.

– Ублюдок-то, судя по машине, из тех, которым всё с рук сходит... Пойдём-ка отсюда, пока менты не «загребли» в качестве свидетелей.

– Пошли... Дня не проходит, чтоб не увидела, как кто-нибудь так же грубо правила нарушает.

– Я помню время, когда люди берегли свои машины и соблюдали правила; деньги могли копить на машину всей семьёй долгие годы; а теперь: и шпана ездит, и жульё ездит – все те мерзавцы, которым и на деньги – наплевать, и на машины – наплевать, и на чужие жизни – наплевать.

– Хочешь сказать, что при коммунистах лучше было?

– В каком-то смысле – да; во всяком случае такого беспредела, как при нынешних псевдодемократах, я тогда точно не видел; правда, другой мерзости хватало... Надоело всё это: всё о плохом, да о плохом...

– А у нас сейчас педиатрия, – сменила тему Катя, – «классно»... – единственный нормальный преподаватель.

– Только вчера о ней вспоминал.

– Правда, что она раньше завучем была?

– Верно, была; с этой должности её выжили, а полностью из училища – до сих пор выжить не могут.

– Чем она им не угодила?

– В том-то и дело, что не угодила, не угождала и угождать, явно, не собирается, не «кланяется» директору, «смеет своё суждение иметь», – этого они терпеть не могут.

За разговорами время пролетело незаметно. Перед зданием училища Алексей замедлил шаг, а Катя убежала вперёд.

Новый рабочий день принёс Алексею новую мороку. Почти с порога, нагнетая, по своему обыкновению, нервозность, Носова направляла всех сотрудников в кабинет директора. Алексей, кивнув в ответ, прошёл, тем не менее, сначала в свой кабинет, переоделся, привёл себя в порядок и лишь потом неспеша направился к начальству. Он вошёл в кабинет последним, не обращая внимания на раздражённые реплики в свой адрес.

– Вы у нас – ответственный по гражданской обороне, начальник штаба гражданской обороны, а приходите последним! – почти прокричал директор Алексею, поднимаясь с кресла.

Алексей никогда не рвался заниматься гражданской обороной; он считал всю деятельность в этом направлении показухой и бессмыслицей, однако вынужден был этим заниматься.

– Нам оказано большое доверие! – продолжал директор. – Принято решение о проведении учений по гражданской обороне на базе нашего училища... Здесь будут присутствовать наблюдатели от городской администрации, от управления по делам ГО и ЧС города и, возможно, области!

Последние слова прозвучали так торжественно, что у Алексея возникло чувство глубокого отвращения. «Начинается очередная показуха, – думал он, – и заведение это выбрано не случайно; вероятно, руководители других учреждений холуйствуют не столь усердно. После инструктажа, видимо, начнутся усиленные тренировки».

Алексей не ошибся: всем преподавателям было велено тщательно проинструктировать студентов и готовиться к тренировочной эвакуации.

Первым занятием у Алексея была лекция. Появившись в аудитории с опозданием, он сразу принялся разяснять ситуацию:

– Пришлось задержаться у директора... Послушайте внимательно!.. В училище намечается очередная показуха по гражданской обороне... Хочу прежде всего сказать о том, что имеет наибольшее значение для вас... Когда начнётся, так называемая, «эвакуация», вас, наверняка, погонят бегом, поскольку администрации важно показать высокие результаты по времени... Предупреждаю, что бежать всей толпой – опасно: стоит кому-то одному оступиться или подвернуть ногу – и могут упасть и травмироваться многие... Не обращайтесь на крики Носовой или кого-нибудь ещё; выходите спокойно, постарайтесь захватить с собой верхнюю одежду и успеть сменить обувь... Никакие репрессивные меры со стороны администрации не стоят вашего здоровья и безопасности.

– Это вы, типа, инструктаж нам проводите? – спросила, дремавшая до этого, Лариса, потягиваясь и приподнимая от стола помятое лицо.

– «Типа», да, – ответил Алексей, подстраиваясь под, заданный Ларисой, тон.

– Вас за такой инструктаж «расстреляют», – Лариса ещё раз потянулась и под дружный смех студентов протяжно зевнула. – Лично я всегда выхожу последняя и тепло одетая.

– Ты, прямо, самая разумная... Не перестаю тобой восхищаться.

– Я тоже не перестаю собой восхищаться, – заявила Лариса, окончательно проснувшись и вызвав новую волну смеха.

– Ещё раз прошу не теряться, когда начнут нагнетать истерию, и помнить то, что я сказал; постарайтесь также на перемене предупредить своих знакомых с других курсов... Хотя, – Алексей вспомнил про телефон и полез в карман, – можете отправить сообщения.

Как и ожидал Алексей, тренировочная эвакуация взбесила директора. Не смотря на то, что Носова прилагала максимум усилий для создания паники, студенты выходили без спешки и беготни, успевали переобуться и одеться. Повторно собрав сотрудников, покрывшийся от гнева бледными и красными пятнами, директор демонстративно принял какую-то таблетку, чем сильно напугал Носову и Авоськину; Алексею же было одновременно и смешно и противно.

День показательных учений с самого начала был пропитан, искусственно нагнетаемой, нервозностью.

От очередного директорского инструктажа Алексея клонило в сон; расценивая своё заторможенное состояние как защитную реакцию, препятствующую раздражению от выслушивания, и без того хорошо знакомых, но зачем-то повторяемых, требований, он вяло наблюдал за окружающей суетой и даже не пытался во что-либо вникать.

Последовавшее занятие превратилось в подготовку к сигналу тревоги. К моменту включения сирены почти все студенты были уже в верхней одежде. Ускорить эвакуацию представителям администрации вновь не удалось: студенты выходили медленно и лишь некоторые,

шарахаясь от орущей Носовой, переходили на бег, но уже через несколько шагов вновь шли спокойно. Алексей вполголоса призывал, проходящих мимо, студентов не спешить и быть осторожными на лестнице, однако отвлёкся, когда из-за угла появилась Катя. Катя шла медленно и, намеренно запутавшись в рукаве куртки, проворачивалась, гоняясь за рукавом, как котёнок за хвостом, замедляя тем самым движение остальных.

– Кошкина!.. – взревела громоподобно Носова.

Катя остановилась и, так и не разобравшись с курткой, вся сжалась и уставилась на Носову, создав ещё более значительную помеху, и без того вялому, потоку студентов.

К, наблюдавшему за ситуацией, Алексею подошла Лариса и, посмотрев в ту же сторону, спросила:

– Издевается?

– Кто над кем?

– Да!.. Это – ещё вопрос... Катька, конечно, на зашуганного котёнка похожа, но, пожалуй, что это она пытается над Носовой издеваться.

– Кошкина!.. Выходи уже! – вновь заорала Носова и сорвала голос.

Катя повернулась и, продолжая копаться в рукаве, поплелась к выходу.

Алексей выходил в числе последних, вынося журнал и папку с документацией по гражданской обороне. Шедшая впереди, Лариса вдруг остановилась и, указав пальцем в сторону заснеженного газона, спросила:

– Это что?

– Ой, это, похоже, пиротехнический патрон установили для большей показухи... Не смотри туда, чтоб не ослепило, и рот держи приоткрытым, иначе уши «заложит», если сейчас рванёт.

– Бежать-то не надо?

– Не надо, – нет смысла, да и скользко, – «навернёшься» ещё на своих каблуках.

– А это кто такие с камерой, – журналисты что ли?

– Похоже на то.

В этот момент взорвался пиротехнический патрон, мимо пролетели обрывки его оболочки.

– И это всё?! – разочарованно воскликнула Лариса. – Пожадничали... Я-то думала: будет что-то вроде салюта.

Засняв взрыв, люди с камерой подошли к Ларисе с вопросом:

– Вы здесь работаете?

– Я здесь учусь, а работает он, – Лариса указала на Алексея.

– Как вы оцениваете учения? – не унимался журналист.

– Глупость! – не задумываясь, выдохнула Лариса.

– А вы? – журналист приблизил микрофон к лицу Алексея.

– Согласен со студенткой.

– Как же противодействовать чрезвычайным ситуациям?

– Не показухой надо заниматься, а всю систему менять: власть менять, отношение к людям менять...

– Почему вы считаете эти учения показухой?

– Не только учения; я бы взял шире: думаю, что всё пропитано формализмом. Могу это документально подтвердить, – Алексей открыл папку и вынул один из бланков отчётности. – Вот чем приходится заниматься, – Алексей указал пальцем на некоторые строки бланка. – Видите?.. Отчитываемся о наличии у училища самолётов, вертолёт, другой техники и так далее и тому подобное; короче, приходится ставить огромное количество нулей; при этом реальной работы нет и быть не может.

– Это интересно... А давайте как-нибудь обсудим это подробнее, – журналист протянул Алексею визитку.

– Хорошо, – Алексей кивнул, взял карточку и, следом за Ларисой, направился к месту сбора студентов.

– Прикольно!.. Мой одноклассник в оцеплении стоит, – Лариса указала рукой на милиционера. – Ленка перед ним скачет – над Мишкой издевается.

Подойдя к милиционеру, Лариса повертелась около него и, вернувшись к Алексею, показала магазин от автомата:

– Смотрите: тут даже патрончики есть... А как их отсюда вытащить?

– Не вытаскивай... Верни ему это быстрее.

– А поиграть?

– Вот другие менты увидят: расценят твои действия как хищение боеприпасов, а это – уголовное преступление.

Изобразив испуг, Лариса вновь направилась к милиционеру, но сначала потянула за руку Лёну и что-то шепнула ей на ухо. Улыбаясь и кивая, Лёна поспешила чуть отойти, после чего, указав на автомат, сказала:

– Что-то тут было приделано, а теперь – только дырка.

Парень взглянул на автомат и, резко побледнев, начал осматриваться по сторонам.

Понаблюдав за страданиями знакомого, Лариса подняла магазин над головой и, повертев им, громко сказала:

– Вот они, твои патроны!.. Вон там валялись! – Лариса указала магазином куда-то в сторону. – На, приделай хорошенько, чтоб больше не отпали!

Вернувшись к Алексею, Лариса объяснила:

– Так ему!.. Мне когда-то пришлось на улице торговать; а его отец, тоже мент, гонял меня.

– Ты – на улице?! – удивился Алексей.

– А куда деваться? Пришлось... Денег-то не было.

– Никогда бы не подумал... А с оружием баловаться не надо, – опасно это... Меня как-то тоже студенты напугали: в гости пришли, нашли мой газовый револьвер и курок взвели, чуть не стрельнули...

– Ну вот!.. А нас не зовёте! Давайте тоже соберёмся как-нибудь.

– Ладно, только после получки.

– Договорились... Теперь я, соблюдая условия конспирации, соберу человек семь-восемь.

– Кошкину не забудь.

– Ладно... А куда это все побежали? Пошли, посмотрим!

Оказалось, что для обследования здания прибыл кинолог с собакой. Студенты обступили собаку, сняли с неё намордник и пытались чем-то накормить. Взяв у кого-то печенье, Лариса попыталась засунуть его собаке в рот, но всякий раз попадала то в нос, то в глаз.

– Ну что ты ей тычешь прямо в лицо своим печеньем?! – возмутилась Юля и предложила овчарке бутерброд с сыром.

– Собака дёрнулась, вылезла из ошейника и убежала за здание училища.

– Ну вот, Юля, ешь теперь сама свой бутерброд, – съязвила Лариса и отправилась вслед за собакой и милиционером.

Остальных студентов остановили преподаватели и сотрудники милиции. К Алексею подошла Катя и, дёрнув слегка за рукав, указала на директора:

– Гляди: вся рожа пятнами покрылась, вот-вот из ушей пар пойдёт.

– Пар, может, и не пойдёт; а вот с инсультом он когда-нибудь свалится при такой нейроциркуляторной дистонии.

– При какой дистонии?

– При вегето-сосудистой.

– Это что, по роже видно?

– Ну да: видно же, что где-то – спазм, а где-то – атония сосудов; то же самое происходит и с сосудами мозга.

– Прикольно!.. А Носовой – можешь диагноз поставить?

– Я в психиатрии не очень... Хотя, пожалуй, интоксикацию, ведущую к психозу, может создавать хронический панкреатит.

– От него и «загнётся»?

– Возможно... Пойду-ка я за Ларисой... Что-то её долго не видно.

– За Лариску беспокоишься?!

– За собаку, – пошутил Алексей и направился в сторону училища.

В этот же момент из-за угла появилась Лариса, ведущая собаку, держа её за шкуру в области шеи. Лариса что-то говорила собаке и грозила ей пальцем; следом шёл милиционер-кинолог с окровавленной рукой.

Путь Алексею преградил милицейский майор:

– Подождите!.. Пусть обследуют здание.

– Похоже, что рука у кинолога повреждена.

– А та девушка – разве не медик?

– Вообще-то – медик... почти.

Алексей вернулся к Кате.

– Она, кстати, в гости напрашивается.

– Мне-то что?

– Ты же, вроде, с ней подружиться хотела?

– Не могу я её понять... Она, вроде, чем-то интересна: она – личность, индивидуальность, она умная, – всё это привлекает, но что-то и отталкивает.

– Эгоизм?

– Возможно.

– А меня её личностные качества иногда просто восхищают; за них же – её эти ненавидят, – Алексей кивнул в сторону представителей администрации училища.

– Они всех ненавидят, кроме доносчиков... Хотя, да, видимо, Лариску – больше; а «задолбать» её, пожалуй, не смогут, – слишком умная.

Ждать пришлось довольно долго. Когда кинолог вернулся, его правая кисть была аккуратно забинтована, а собаку вела на поводке Лариса.

Кинолог отчитался перед майором и, забрав собаку, направился к машине; а в здание училища вошли ещё какие-то люди в форме.

Лариса подошла к Алексею.

– Что-то долго же вы там были! – сказала Катя, многозначительно покачивая головой.

– Мы с Джулькой буфет обследовали... Чью-то «зачачку» нашли: частично – съели, частично – перепрятали.

– Чью?

– Ну не студентов же.

– Ну нормально!.. Мы, значит, тут мёрзнем; а вы там чужую «зачачку» жрёте!

– Вот и пошла бы вместо меня Джулька ловить!

– Я?! Собаку?! – Катя, оскалившись, издала короткий шипящий звук.

– Понятно... Кошка собаке – не товарищ.

– Там же какой-то муляж взрывного устройства должен был быть.

– Да, его Серёга и без Джульки нашёл. Ему кто-то позвонил на «мобильник»; он сбегал куда-то и принёс какую-то коробочку с проводками, пока Джулька чужую ветчину ела.

– Повязку, кстати, хорошо сделала.

- Вот и поставь... те мне «пятёрку» за это.
- А как так получилось, что собака тебя – слушалась, а мента – укусила?
- Да его она слушалась, а не меня, и укусила его из-за меня, вернее, хотела меня укусить, а он меня защитил, но сам подставился. Потом мы с Джулькой подружились и пошли обследовать буфет.
- А с ментом? – поинтересовалась Катя.
- Что с ментом?
- С ментом – тоже подружилась?
- Не знаю... Я ему обещала в «ментовку» завтра зайти и перевязку сделать... Он в поликлинику идти не хочет.
- А почему менты «взрывчатку» ищут, а не «эмчезэсовцы»? – спросил Алексей.
- Откуда мне знать?.. Он об этом не говорил.
- Похоже, что за «МЧСС», по крайней мере на местном уровне, всё делают менты и пожарники, – предположил Алексей.
- За МЧС, – поправила Лариса.
- Кому – «МЧС», а кому и – «МЧСС» – если приходится писать идиотские отчёты в управление по делам ГО и ЧС.

По громкоговорителю милицейской машины объявили об окончании учений. Возвращение с холода в здание прошло значительно быстрее чем «эвакуация». После небольшого перерыва сотрудников собрали для подведения итогов. Разговор получился вялым. Изнемогающий директор, казалось, валился с ног; охрипшая Носова была не в состоянии нормально говорить, но пыталась высказать какие-то замечания.

– Отдельных студентов надо бы наказать за их поведение, – предложила Басюкова. – Что вот Упрямова тут делала, пока все на улице стояли?

– Медицинскую помощь кинологу оказывала, – сразу ответил Алексей. – Он руку поранил.

– Вы бы лучше замечания свои высказали, чем выгораживать!.. Зачем Лариса и Елена к оцеплению подходили?!

– Милиционер потерял деталь от автомата, а они нашли.

В кабинет вошла буфетчица, несколько раз извинилась и, робко подойдя к директору, что-то зашептала.

– Только этого не хватало! – директор соскочил с кресла. – Всё на сегодня... Дина Олеговна и Маргарита Ивановна, останьтесь, остальные – свободны.

В день получки Алексей купил много вкусного и по телефону доложил об этом Ларисе. Посиделки наметили на ближайший выходной день.

Придя в намеченное время, студенты принялись выставлять на стол всё, что принесли с собой.

– Что это у вас? – Алексей взял со стола бутылку и прочитал текст на этикетке. – Вы это пить собираетесь?

– А что?

– Эти, так называемые, «энергетические» напитки – жуткая отравка.

– Они же вкусные и бодрят.

– Дело ваше, но советую отвыкать от этой гадости, если не хотите годам к тридцати иметь жировой гепатоз, а к сорока – цирроз печени.

– Что же вы скажете, когда мы пойдём на балкон курить? – поинтересовалась Юлия.

– Ты ещё и куришь?! И так самая маленькая... Бросай немедленно!

– У Юлы энергии много, – принялась язвительно комментировать Лариса, – она даже свои бутерброды собакам раздаёт.

– «Уж ты бы лучше помолчала бы!» Из-за кого нас Носова два дня тиранила?!. Собака-то, когда из «шараги» выходила, облизывалась.

– Вот это мне нравится, – когда молодёжь Высоцкого цитирует, – оценил Алексей высказывание Юли, – значит: вы ещё не совсем «пропащие».

– Вы хоть поняли, о чём я?! – не унималась Юля.

Алексей кивнул, но Юля продолжила:

– Директор поручил Носовой банкет для проверяющих устроить; Носова, видимо, перепоручила это гнусное дело буфетчице; та всего накупила, а за время дурацкой «эвакуации» – почти всё пропало!

– А при чём тут Лариса?

– Лариска собак любит.

– Ну надо же!.. Лариса, не знал, что ты – корейнка.

– Интересно, а на какие деньги всё это было куплено? – не оценив юмор Алексея, начала возмущаться Лариса. – К последней стипендии опять «довесок» давали?

– А тебе разве не давали?

– Мне не дают... Я пару раз эту, так называемую, «материальную помощь» Носовой отдать отказалась, – вот мне теперь и не дают.

– Соображала бы я так же хорошо как ты – я бы тоже не отдавала.

– Кто тебе сказал, что ты плохо соображаешь?! – возразила Татьяна. – У тебя хорошие стишки получаются... Ленка, дай гитару; пусть Юла что-нибудь «сбацает».

– Ну вы совсем обнаглели! – возмутилась Лена, подавая гитару. – На стол я одна должна собирать?!

– Я помогу, – подскочила Анна.

Юля, взяв гитару, начала с вопроса:

– А помните, как первого сентября по распоряжению Носовой Антон салют устраивал?

– Вот где было нарушение всех правил пожарной безопасности!

– Жаль, что ракеты не попали на кого-нибудь из администрации или из приглашённых «шишек».

– Так вот! – Юля повысила голос, вновь переключая на себя всеобщее внимание. – Я потом подумала, что это могло бы быть приблизительно так:

Как-то Антошка салют запустил;
Чей-то балкон тем салютом спалил
Вместе с квартирой, и после того
Ищет хозяин балкона его;
Ищут пожарные, ищут менты;
Если найдут, – ему будут кранты;
Если Антошку найдут наконец, —
Будет ему несомненно... плохо.

– Знакомая мелодия, – подметила Лариса, – да и сюжет – тоже.

– Что смогла – то исполнила... Принимайте, кто-нибудь, «эстафету», а я пока поем чего-нибудь.

Гитару взял Алексей, а Лариса тем временем продолжила своё обращение к Юле:

– Ты бы лучше высмеяла, как ежегодно первого сентября устраивают показуху с выдачей халатов студентам первого курса.

– Да, – поддержала Татьяна, – а-то они сначала собирают эти халаты, купленные самими студентами, а потом перед городским начальством и перед телевизионными камерами выдают как бы от себя; получается видимость, будто администрация дарит халаты студентам.

– Давайте-ка я вам свою историю расскажу, – вмешался Алексей, начав наигрывать мелодию, – это и про меня и про вас:

Не стоит обижаться на привратности судьбы.
Судьба слепа, глуха и глуповата;
Порой бывает: разбивает в кровь носы и лбы,
Потом на миг сожмётся виновато;
А вскоре – вновь швыряет: влево, вправо, вверх и вниз...
То жарко, то вдруг холодно, то душно...
Меня она однажды вдруг взяла, приподняла
И к вывеске красивой, как к витрине подвела;
Но был за этой вывеской «гадюшник».
И вроде, что плохого?.. Обучают молодёжь,
Подводят к медицине шаг за шагом,
Профессию дают; но молодёжь не проведёшь:
Училищем, бывало, заведение назовёшь, —
Студенты в миг поправят: «Нет, – «шарага»!
Какое уважение?! Ведь «грузят» почём зря,
Используют как материал подсобный;
Царит здесь беззаконие, откровенно говоря,
Но имидж создаётся бесподобный!»
И верно, театральщина в училище в чести;
С гуманностью вот, правда, вовсе «глухо»;
И всё на принудиловке, иначе до шести
Кто ж будет заниматься показухой?!
А «коллектив» сотрудников – отборный, – просто жуть:
Ни дня без сплетен, слухов и доносов...
Коль «задницы начальникам лизать» приучен, тут,
В «шараге», приживёшься без вопросов.
А тех, кто независим и с начальством не учтив
Считают тут за хамов и нахалов;
А возглавляет весь этот холуйский «коллектив»
Никита Никанорыч Самохвалов.
Пока «вознёсся» он немало «вылизал задов»,
Но «благосклонных» «сверху» взглядов ради
Он их и впредь «вылизывать» и «кланяться» готов;
В холуйстве совершенен, а по жизни – бестолков,
Хотя, бывало, получал «награды».

Одобрительные возгласы и аплодисменты продолжались довольно долго.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.